

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 1

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2010

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

"НАУКА"

СОДЕРЖАНИЕ

Г.С. Кнабе - Гегель, Европа и рубеж тысячелетий.....	3
Д.И. Дубровский - Проблема добродетельного обмана. Кант и современность.....	16

Философия и общество

В.П. Старжинский, А.С. Табачков - История и теория: на пути преодоления не предсказуемости прошлого.....	33
А.И. Извеков - Америка: миф о превосходстве, или Ничто не повторяется.....	43

Философия и наука

Д.В. Ефременко - Концепция общества знания как теория социальных трансфор- маций: достижения и проблемы.....	49
С.А. Лебедев - Уровни научного знания.....	62
А.Л. Никифоров - Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах.....	76

Из истории отечественной философской мысли

В.К. Кантор - Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? (Степун и Чи- жевский).....	84
Письма Ф.А. Степуна к Д.И. Чижевскому (публикация и примечания В.К. Кантора)	92

© Российская академия наук, 2010 г.

© Редколлегия журнала "Вопросы философии" (составитель), 2010 г.

Д.И. Чижевский - Гоголь как художник и мыслитель (публикация и комментарий В. Янца)	118
В.М. Розии - Понять жизнь и поступки Гоголя	130
Л.А. Гоготишвили - Когнитологическая интерпретация идеи внутренней формы Г. Шпета	141

История философии

Д.А. Лунгина - Учение о культуре у Канта и Гегеля	153
--	-----

Из редакционной почты

М.Б. Квициния - К вопросу о социализации личности в условиях этноконфликта	166
---	-----

Критика и библиография

В.Г. Федотова - Т. Щедрина. Архив эпохи: тематическое единство русской фило- софии	171
Н.К. Гаврюшин - О книге Т. Щедриной	175
В.П. Крутоус - Е.Я. Басин. Художник и творчество	177
А.А. Ермичев - Русская философия сегодня (идеи и направления). Материалы этико-философского семинара им. Андрея Платонова, г. Воронеж, 12-13 мая 2008 г	181
Поздравление Н.С. Автономовой	186
Научный семинар "Философия - образование - общество" (седьмое собрание)	187
К сведению авторов	188
Наши авторы	191

Главный редактор - Лекторский Владислав Александрович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.А. Лекторский (главный редактор), **П.П. Гайденко**, **А.А. Гусейнов**,
В.П. Зинченко, **А.Ф. Зотов**, **В.К. Кантор**, **В.В. Миронов**,
Н.В. Мотрошилова, **А.П. Огурцов**, **Т.И. Ойзерман**,
Б.И. Пружинин (заместитель главного редактора), **А.М. Руткевич**,
В.Н. Садовский, **В.С. Стёпин**,
Н.Н. Трубникова (ответственный секретарь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Швейцария), **Ш. Авинери** (Израиль), **Т. Имамичи** (Япония),
У. Ньютон-Смит (Великобритания), **Ю. Хабермас** (ФРГ), **Р. Харре**
(Великобритания)

Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? (Степун и Чижевский)*

В.К. КАНТОР

Замкнутость эмигрантской жизни всегда порождает конфликты. Ведь на одном небольшом, в сущности, пространстве вынуждены как-то продолжать жизнь в тесной при-тирке друг к другу. Склоки, вражда – удел любой эмиграции, не только русской постреволюционной. Эти столкновения подогревались, разумеется, весьма умелой работой ЧК. Также нужно учесть, что рядом вынуждены были существовать в одном “русском” загоне невероятное количество чуждых, а то и прямо враждебных друг другу направлений общественно-политической мысли: монархисты, социалисты, фашисты, евразийцы и т.д. Стоит понимать еще и разность социальных положений, понимать, что все устроились по-разному. Как правило, подобное социальное неравенство в любой эмиграции чревато внутренними конфликтами.

Степуна не раз сравнивали с Герценом. Действительно много общего: невероятное количество друзей, непримиримость в борьбе с большевизмом и нацизмом, неизменная верность себе. Но как разнятся их дружбы: скажем, дружба Степуна и Чижевского и дружба Герцена с Огаревым. С момента, как дружба последних зародилась на Воробьевых горах, она проходила при несомненном первенстве, даже подавляющем первенстве Герцена. Начну с того, что деньги Огарева были украдены русскими радикалами, а Герцен сумел сохранить свое состояние и даже отбиться с помощью Ротшильда от попыток Николая прибрать его состояние к рукам. Огарев жил в его особняке в качестве друга-приживалы. Неслучайно Герцен не постеснялся увести молодую жену Огарева (Наталью Тучкову-Огареву) едва ли не из постели друга. Огарев на это отвечал бешеным радикализмом, стараясь хоть в этом превзойти своего друга-покровителя.

Как увидим, позиция Степуна была принципиально иной, хотя как немец по крови он много лучше своих коллег мог устроиться в Германии, куда поначалу были направлены изгнанники. Но вообще отношения русской пореволюционной эмиграции отличались все же тем, что явных богатеев в этой среде не было. Поэтому, несмотря на частую идейную вражду, взаимоподдержка была необходима, иначе выжить было невозможно. Они были

* Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0041 «Подготовка к печати корпуса писем выдающегося русского философа-эмигранта Ф.А. Степуна» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

© Кантор В.К., 2010 г.

приговорены если и не к дружбе, то хотя бы к возможной терпимости. Русские интеллектуалы-изгнанники организовывали издательства, институты, где собирался цвет русской элиты, стараясь хоть как-то выжить. Именно в эти годы Карл Шмитт¹ говорил о политике как системе дружбы-вражды, но русская эмиграция инстинктивно чувствовала, что поскольку она в чужом пространстве не имеет по большей части никаких местных институций, на которые можно было опереться, то принцип наиболее благородных людей был в эмигрантской политической жизни – дружба. Можно привести трогательный, удивительный пример дружеского самопожертвования, когда Владимир Дмитриевич Набоков (отец великого писателя) закрыл собой лидера своей партии (кадетов) П.Н. Милюкова от пули убийцы (монархиста). Тут видна и вражда, но и еще более важное – пример фантастической дружеской верности. Поневоле вспомнишь о римских добродетелях. И самое существенное было в этом поступке, что он случился в политической сфере, в которой Шмитт (мыслитель тогда популярный чрезвычайно) все-таки большее внимание обращал на систему вражды. Его идеи обсуждались русскими эмигрантами. О переходе европейских государств в новую – политическую – парадигму писал в 1935 г. Семен Франк после появления в немецком законодательстве так называемого “арийского параграфа”, где расовая принадлежность ставилась выше конфессиональной. Франк констатировал: «На смену как “христианскому государству”, так и государству гуманистическому, религиозно и мировоззренчески нейтральному, приходит государство, ориентированное в своем мировоззрении на политику (как это уже произошло в Италии и Германии и чего следует ожидать в других странах)»². Франк видит последствия этого факта в том, господство христианской церкви приходит к концу. Но именно поэтому – в ситуации духовной трагедии – должно произойти “воссоединение конфессий в единую церковь Христа, к которому стремится каждый истинный христианин”³.

В этом контексте стоит прочитать рассуждение Степуна, во многом признававшего правоту немецкого юриста-философа: “Шмитт прав не только в своем анализе реальной политической жизни, прав он и в своем утверждении, что заповеди Нагорной проповеди имеют в виду не общественно-политическую, а частную жизнь людей. <...> Толстовская проповедь непротивления злу потерпела на наших глазах величайшее поражение. Причем не внешнее, а внутреннее: несостоятельность толстовства проявилась не в том, что при объявлении войны многие толстовцы подчинились государственной власти (это дело житейское), а в том, что проявившим геройское упорство удалось всего только самим отойти от греха, но не удалось не только изъять войны из мира, но хотя бы сократить ее ужасы и размеры. Трагедия толстовства и всякого христианского пацифизма есть убедительнейшее доказательство того, что безотносительное к состоянию мира исполнение заповедей Христовых далеко не всегда ведет к его христианизации. Любовь к своему врагу и готовность лучше самому умереть, чем поднять на него руку, навсегда останется верховной нормой личной нравственности. Но осуществление этой нормы, очевидно, теряет свою правду при условии, что разящая рука врага оказывается занесенной не над тобою, а над головою твоего ближнего. При такой постановке вопроса речь идет уже не о том, умереть ли самому или убить другого, а о том, убить ли низменного врага или, спасая свою душу (спасешь ли ее этим?), допустить убийство ни в чем не повинного существа. Вопрос этот ни в коей мере и степени не отвлечен и не казуистичен. Всем нам, активным участникам войны и революции, проходило его не только теоретически ставить, но и практически решать. Когда взбешенные дезертиры обнажали окопы, вешали на телеграфных столбах началь-

¹ Карл Шмитт (Carl Schmitt, 1888–1985): немецкий юрист и философ, с 1921 г. профессор в Грайсвальде, с 1926 г. – в Берлине, с 1932 г. – в Кельне, в 1933 г. – член Герингского сената, один из ведущих юристов Третьего рейха. Представитель возникшей между Первой и Второй мировыми войнами теории о тотальных (всеобщих, все подчиняющих себе) государствах, теоретик консерватизма. Его исследования и труды остаются и сегодня предметом живых споров.

² Франк С.Л. Религиозная трагедия еврейского народа // Вторая навигация. Альманах. Выпуск 5. Запорожье. Дикое поле, 2005. С. 291.

³ Там же. С. 292.

ников станций и, грозя машинистам расстрелами, самовольно подавались в тыл, громя по пути деревни, насильничая и грабя, тогда и для ответственной христианской власти не оставалось ничего кроме пулеметов и смертных казней. Боязнь поднять меч, дабы от него не погибнуть, была бы при указанных условиях не чем иным, как казнью многих тысяч ни в чем не повинных людей. Большевики, начавшие с отмены смертной казни, не только как лежцы, но и как утописты, кончили невиданными еще в мире казнями”⁴.

Однако принимая реализм формулы Шмитта, Степун выдвигает против нее формулу христианской политики, идущую в России еще от Вл. Соловьева, но модифицированную под влиянием времени (как мы видели из слов Франка): “Правильное положение Карла Шмитта, что сфера политики не только лежит во зле, как вся человеческая жизнь, но злом, т.е. враждою и войною, только и держится, не только не погашает поэтому идеи христианской политики, но, наоборот, делает ее самоочевидной, ибо где же и селится христианству, как не на территории зла, ибо что же ему и делать, как не превращать зло, не в добро – это Божье дело, – но в грех”⁵. Вместо ожидавшейся большевиками смертельной вражды между русскими эмигрантами (которая тоже была) верх брала все же внеконфессиональная христианская толерантность и простая человеческая дружба, несмотря на разность политических взглядов. По мысли Шмитта, разность политических установок не оставляла иного выбора, кроме вражды на уничтожение, но среди русской литературно-философской элиты такой вражды по большей части не встречалось. Если не считать, конечно, евразийские эксы, спровоцированные агентами ЧК. По сути дела, русская эмиграция стояла перед задачей преодоления политики как формы человеческих взаимоотношений. Хотя политика захватывала и лучшие умы в русской эмиграции. Напомню о попытке в 1939 г. политического изгнания из парижского Свято-Сергиевского Богословского института элитой русской религиозной философии (достаточно назвать имена *гонимых* – В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский, чтобы серьезность ситуации стала очевидной) одного из значительнейших русских мыслителей Георгия Федотова⁶. И все-таки и в этой скандальной и морально не очень чистой истории, напоминавшей советские разбирательства “личных дел”, нашлись истинные друзья, не дрогнувшие перед авторитетами (мать Мария, Н.А. Бердяев и др.) и все-таки отстоявшие Федотова. Можно, конечно, вспомнить о столкновении Бунина и Мережковского по поводу Нобелевской премии: оба писателя претендовали на нее. Но здесь, скорее, речь может идти о писательских амбициях, которые везде одинаковы.

Как писал Цицерон, любимый русскими мыслителями, начиная с Чаадаева: “Дружба же заключает в себе множество благ. <...> Говорю не о ходячем понятии дружбы, вернее, не о повседневных отношениях дружбы, хотя и они приятны и полезны, но об истинной и совершенной дружбе, какой была дружба между теми людьми, которых называют в числе немногих. Ибо счастливые обстоятельства дружба украшает, а несчастные облегчает, разделяя их и принимая в них участие” (Цицерон. О дружбе. VI, 22)⁷. Дружба эмигрантов облегчала им несчастные обстоятельства их жизни. В данной публикации можно увидеть, с какой прямоотой и резкостью выступил Степун в защиту Чижевского, когда над тем грянули весьма неприятные громы, когда он был отстранен от преподавания по клевете, тем самым был лишен средств к существованию. Выступил, не убоявшись чиновников весьма большого калибра (министерского ранга).

⁴ Степун Ф.А. Христианство и политика // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 406–407.

⁵ Там же. С. 412.

⁶ См. об этом публикацию: Бычков С.С. «Ради правды не пожалео ни зарубежной, ни русской церкви». Конфликт в Свято-Сергиевском Богословском институте в переписке Г.П. Федотова в 1939 г. // Исторический архив. 2003. №№ 1, 3, 4. См. об этом также мою статью: Кантор В.К. Философия национальной самокритики (письмо С.Л. Франка Г.П. Федотову) // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 132–143.

⁷ Цицерон Марк Туллий. О дружбе // Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 75–76.

Лично человек весьма мужественный (настоящий боевой офицер), Степун не боялся встать на защиту друга, но тем не менее старался уходить от столкновений, которых можно было бы избежать. В письме Бунину 1948 г. он формулировал свое кредо: “Месяца через четыре <...> откроется дверь и в Париж, который, правда, не только влечет, но и страшит меня. Слышно, что у Вас много ссорятся, а я ссориться не могу, не хочу. Ненавидеть должно только себя и ложные идеи: всех же остальных лучше, если и не любить, то все же не ненавидеть”⁸. И далее он пишет, как бы поправляя свою прежнюю мысль, что и христианская вера не спасает от межличностной агрессии и вражды: “Недавно я тут видел замечательного человека, семи пядей во лбу, четырех факультетов, молитвенника и постника, но стилистически до того страшного православного большевика, до того бескорбно злостного отрицателя и хулителя всего невизантийского русского православия, что мне стало жутко и печально на душе”⁹.

Сам православный христианин, хотя и с надконфессиональной установкой, он весьма деликатно поднимал темы православия в письмах к Чижевскому. Чижевский был младше Степуна. Но чувство интеллектуального равенства снимало, разумеется, всю разницу в годах и взглядах. Познакомились они в Фрейбурге. Как вспоминал Степун в юбилейной речи в честь Чижевского: “Если не ошибаюсь (ведь хронология всегда была моей слабейшей стороной) с Дмитрием Ивановичем Чижевским я познакомился в 1923 г. во Фрейбурге в Брейсгау. Уже с первых встреч мне стало ясно, что на своем жизненном пути я повстречался с человеком, в мозгу которого мир отражался совершенно иначе, чем в головах других людей, и совершенно иначе мир отражался не только в его мозгу, но и в его сердце, в его манере говорить и держать себя. Все в нем имело свой собственный стиль, все было высечено словно по специальному заказу”¹⁰. Степун, говоря о многосторонности Чижевского, заметил, что в этом они похожи. Чижевский как бы подхватывает эту тему, говоря о своем друге: “Прежде всего надо отметить многосторонность деятельности Степуна, – мы знаем его философские, публицистические, социологические, богословские и поэтические произведения. И мы можем все его произведения считать также поэтическими, если будем помнить о его несравненном даре слова”¹¹.

Интересно при этом, где проходило первое время их знакомства. Личный ассистент Гуссерля Людвиг Ландгребе (1902–1991) вспоминает: “В летний семестр 1924 года Гуссерль взял за основу своего семинара “Проблемы философии истории” *Зиммеля* – и сегодня еще во многих отношениях достойную прочтения книгу! В этом семинаре принимали участие также русский философ культуры, эмигрант *Федор Степун* и славист *Дмитрий Чижевский*. Это был впечатляющий круг, дискуссии которого проходили на головокружительной для новичка высоте”¹². Этот тандем закрепился в сознании их выдающихся немецких коллег. Гадамер вспоминал: “Когда в 1923 году я приехал в Гейдельберг, случилось так, что у меня на всю жизнь завязалась дружба, прежде всего, с двумя русскими молодыми учеными: Ф. Степуном и Д. Чижевским”¹³.

Очень важно понимать историко-культурный контраст между жизнью в эмиграции (где бывало всякое) и жизнью в метрополии (где все решалось однозначно). Существенно, что в советской России в условиях сталинской диктатуры понятие дружбы абсолютно обесценилось, вчерашние друзья по партии, да и личные, оказывались политическими

⁸ Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 123.

⁹ Там же.

¹⁰ Застольная речь профессора, доктора Федора Степуна, произнесенная 3 апреля 1964 года на праздничном обеде в гейдельбергском ресторане “Рыцарь” // *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894–1977). М.: Библиотека-фонд “Русское зарубежье”: Русский путь, 2007. С. 464.

¹¹ *Чижевский Д.И.* Речь о Степуне // Степун Федор. Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 246.

¹² *Ландгребе Людвиг.* Философская автобиография // *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. С. 284.

¹³ *Гадамер Х.-Г.* Воспоминания о Чижевском // *Чижевский Д.И.* Ук. изд. С. 713.

врагами, которых, по логике Карла Шмитта, надо было уничтожать, где личное подчинялось политическому. И уничтожали. Ибо там, где торжествует политика, дружба посторонивается. “Смысл сталинских репрессий, – пишет современный исследователь, – сводился к тому, чтобы сделать общество полностью податливым властным решениям, чтобы политическое действие проходило сквозь социальную материю так же легко, как нож сквозь масло. Для этого нужно было лишить людей крепких ”горизонтальных” связей, подорвать прочность человеческих привязанностей, чтобы любой (даже самый близкий друг, отец, муж), если власть вдруг сочтет его врагом, не избег наказания и не смог найти защитников среди своих близких”¹⁴.

Октябрьская революция разделила интеллектуальную Россию на две части – эмигрантскую и неэмигрантскую. Это всем понятно. В эмигрантской части было тоже две линии – внешние и внутренние эмигранты. Скажем, такие поэты и писатели, как Ахматова, Мандельштам, Евг. Замятин, Мих. Булгаков были эмигрантами внутренними. При этом часто внутренние эмигранты, не выдержав напряжения, покидали (пока это было возможно) Родину (кажется, последним в 1929 г. уехал Замятин). Позднее не уехавшие попадали в ГУЛАГ, откуда выходили уже редко. Но вот враждовавшие друг с другом бывшие зеки Шаламов и Солженицын как-то объединили судьбой и творчеством обе России. Характерны строки о неизбежности вражды из уст внутренней эмигрантки. Гулаговская поэтесса Анна Александровна Баркова (16 июля 1901 – 29 апреля 1976). Стихотворение “Эмигранты” (1974):

Эмигранты внутренние, внешние,
Все мы эмигранты навсегда.
Чем бы мы порой себя ни тешили,
Гаснет дружба и растет вражда.

Эмигранты внутренние, внешние,
Не зовут нас и не ждут нигде –
Лишь в одном отечестве нездешнем,
На незародившейся звезде.

Нечто другое мы все же наблюдаем во внешней эмиграции первого потока. Подчеркиваю – первого! Как мы видели, далеко не всегда, но далее нравы Советской родины были перенесены и в Русское зарубежье, стали нормой. А вот в первые годы отношения бывали порой трогательны до умиления. В 1923 г. трое русских эмигрантов, Александр Креслинг, Федор Степун и Дмитрий Чижевский, слушавших во Фрейбурге Гуссерля, “поселились вместе в одном доме на Блазиусштрассе, 4, в Церингене. Роза Баумгартнер – жена врача и мать троих детей, рано овдовев, решила сдавать квартиры студентам”¹⁵. И далее мемуаристка продолжает: “Русские гости жили весьма скромно, как почти и все тогда, во времена инфляции. Часто они подолгу не могли заплатить даже за квартиру. Федор Степун за отсутствием наличных денег расплатился однажды с госпожой Баумгартнер небольшой золотой брошью. Когда же появлялись деньги, они покупали книги. <...> По вечерам сидели за большим столом у Баумгартнеров, ночью еще раз пили чай. Ради экономии угля и дров основную часть времени проводили в столовой. По-русски почти не говорили, в присутствии же других по-русски не говорили никогда. А дискуссии о Гегеле и других философах, которые возникали за ужином и к которым присоединялись зашедшие в гости однокашники, всегда велись на немецком языке”¹⁶.

Русских мыслителей, в данном случае говорю о Степуне и Чижевском, в принципе все любили, несмотря на возникавшие порой бытовые трудности. Очень пленяла немцев

¹⁴ *Пуцаев Юрий*. Политика и дружба. М.: Московская школа политических исследований, 2009. С. 113.

¹⁵ *Ботт Мари-Луиза*. От клецок к Гегелю: воспоминания о пестрой кучке русских ученых во Фрейбурге двадцатых годов // *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894–1977). М.: Библиотека-фонд “Русское зарубежье”: Русский путь, 2007. С. 276.

¹⁶ *Ботт Мари-Луиза*. От клецок к Гегелю... С. 278.

их славянская открытость (не забудем, однако, что по крови Степун был немцем). Но эта открытость складывалась как раз в их дружеском общении. По словам мемуаристки: “Все то, что потом постоянно вызывало восхищение и прославлялось немецкими коллегами в университетских речах и юбилейных сборниках в честь Александра Креслинга, Федора Степуна или Дмитрия Чижевского – их дар свободной импровизированной речи, их шарм и их многостороннее, непременно *дружески-общительное* мышление, – все это наложило свой отпечаток уже на их совместную фрейбургскую жизнь”¹⁷.

Но к русской культуре, к России, несмотря на значительность каждого из них, они относились по-разному. Чижевский мог гневаться, сердиться, но страстные чувства, подобные Степуну, были ему не свойственны. Он был аналитик. Они, как рассудительный Онегин и романтик Ленский, были лед и пламень.

Степун болел о России как о бросившей его женщине, выгнавшей его вон, его, так ее любившего. Он ли был виноват или в любимой была какая-то червоточинка. “Почему она его, так ее любившего, выгнала?” – вот тема всех его пореволюционных текстов. Чижевский много рациональнее, он чистый ученый, хотя жизнь была его не меньше, чем Степуна, гоняла по свету, грозила смертью. Но Россия, Украина, славянство, Германия – все это предметы его не боли, но *исследования*. Кажется, единственный человек, который вызывал в нем теплые чувства, был Степун. Почти во всех его письмах другим адресатам, интонация нежности возникает при упоминании имени Степуна. Степун – другой, он, по общему мнению, которое разделял и Чижевский, философ любви. О любви его философский роман “Николай Переслегин”, о любви “Письма прапорщика-артиллериста”. Причем интересно, что тема любви у него сплетается как с религиозной темой, так и с темой России. Неслучайно он так глубоко анализировал любовную тему в творчестве Бунина (а затем и перипетии жизненной драмы писателя), невольным участником которой оказался: возлюбленная Бунин бросила писателя ради сестры философа Марги Степун.

Бунин твердо заявил, что ради любви к России он не изменит себе, это было его кредо. И вместе с тем весь последний период его творчества – это гениальный трагический цикл рассказов о любви “Темные аллеи”, очень жесткая повесть с моральным исходом – “Митина любовь”. Любовь, по Бунину, всегда трагична. Конечно, трагизм бунинских любовных текстов связан с его личной судьбой (уходом от него Галины Кузнецовой), но у всякого великого писателя сквозь личную тему звучит нечто общезначимое. А именно: потеря главной возлюбленной – России. Поэт Георгий Иванов говорил: “Бунину <...> не хватает воздуха. Он задыхается. <...> Как, впрочем, и все мы, поэты и писатели эмиграции. Нас убивает отсутствие воздуха. И любви. Невнимание и безразличие. Ему бы следовало вернуться в Россию”¹⁸. Было это, однако, для великого писателя невозможно. Бунин видел свою любовь в прошлом, современную ему Россию он Россией не считал. Хотя в 1945 г. он почти поддался, угнетаемый нищетой, на призывы Советской власти вернуться. Но так и не переступил границы¹⁹. Зато интерес Степуна к советской России был силен. Но это тоже было связано с темой любви философа к дореволюционной России. И весь знаменитый его цикл статей “Мысли о России” – это попытка понять, почему любимая его отвергла. И пугающее его самого соображение, что он не сумел защитить завоеванную возлюбленную – демократическую Россию. А демократия должна уметь защищать свои завоевания. Отсюда его интерес к советской России – желание посмотреть, чем стала его прежняя любовь, и понять, можно ли ее вернуть. Особенно ясно проговорено это желание в статье “Чаемая Россия”.

¹⁷ Там же. С. 279.

¹⁸ *Одоевцева Ирина*. На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1989. С. 247.

¹⁹ Любопытна в этом смысле его переписка с Марком Алдановым, писателем и мыслителем, которого Бунин из года в год выдвигал на Нобелевскую премию. В 1945 г., когда колебания Бунина стали явными для Алданова, он написал своему великому другу (от 30 мая 1945): «Вы ответственные за свою биографию как знаменитейший русский писатель» («Этому человеку я верю больше всех». Переписка И.А. Бунина и М.А. Алданова. *Подготовка текстов и публикация А. Чернышева* // Октябрь. 1996. № 3. С. 130). Бунин не вернулся в советскую Россию.

Если говорить подробнее о теоретико-психологической подоплеке разности и близости Степуна и Чижевского, не забудем, что Степун был не только философом, но еще *писателем, мемуаристом*, автором блестящей книги, воскресившей и закрепившей в сознании читателей дореволюционную Россию. Сам он размышлял не раз об этой проблеме, замечая, что какая должна быть произведена ворожба над пережитым, чтобы оно превратилось в художественное произведение? Поставить этот вопрос, значит, поставить вопрос о профессионально-художественной сущности творческого акта. Как писал сам Степун, ответ на него уже давно дан. Ворожба, превращающая переживания в художественные произведения, заключается в его закреплении в каком-либо материале, в камне, в бронзе, в красках, в звуках, самый же акт этого закрепления в оформлении материала. За этим, многими философами искусства всесторонне разработанным ответом, подымается более глубокий вопрос: не предполагает ли успешное оформление художником своего материала некоторой преоформленности его переживаний, не начинается ли искусство творчества в самой жизни, в ее немой глубине, не является ли, говоря языком Фридриха Шлегеля, подлинным художником лишь тот, кто являет собою как бы художественное произведение самой жизни. И добавлял, что такой взгляд на связь жизни с творчеством защищали многие крупные мыслители, причем сфера эротической любви, начиная с Платона, чаще других сфер выдвигалась на первый план высокого жизнетворческого искусства. У Владимира Соловьева философия любви является частью, вернее, даже фундаментом эстетики. Сущность любви заключается, по Соловьеву, в преображении земного образа любимого существа, в интуитивном прозрении в нем исконного божьего лика, бессмертного по своей природе и потому порождающего и в нас веру в наше бессмертие²⁰. Преображение России, воссоздание образа любимого существа – проблема всех работ Степуна. В письме Чижевскому от 28.5.55 г., публикуемом в данной подборке, Степун писал так о своем романе: «“Переслегин”, понятый как философия любви, очень многими нитями связан, конечно, с соловьевской эротологией, от которой я, в лице моего героя, все же в эпилоге открещиваюсь». И хотя Соловьев замечал, что сильная и трагическая любовь бесплодна, ведет к самоубийству²¹, думаю, это была aberrация великого философа, перенос житейской сферы в сферу творчества. В жизни мы знаем много самоубийств людей, изгнанных из России, страдавших от неразделенной любви к Родине. Но в творчестве трагическая любовь как раз продуктивна, создавая “из тяжести недоброй” высокое (О. Мандельштам).

Эту позицию Степуна Чижевский угадал еще в рецензии на раннюю его книгу “Из писем прапорщика-артиллериста”. Он писал: “Романтической философии Степуна представлялся случай созерцать жизнь в двух различных аспектах, сохраняя единство самосознания”²². И далее: «Я не хочу упрекать Ф.А. Степуна в том, что он будто бы сделал трагедию мировой истории фоном для собственной судьбы или судьбы собственного мировоззрения. <...> “Письма прапорщика” – своеобразное введение в философию культуры»²³. Романтизм Степуна оказался не менее продуктивен, чем аналитика Чижевского. Более того, они как бы подпитывали друг друга своей интеллектуальной энергией, такой разной, но в обоих случаях такой подлинной. У Степуна есть статья о Бунине, где он пишет, что главное и отличающее его от всех других – даже очень хороших – писателей было чувство подлинности. То же самое относится и к мыслителям. Чувство подлинности – странное чувство, оно дается абсолютной верностью себе. Такой верностью обладали Степун и Чижевский. Это чувство подлинности, которое они ощущали друг в друге и соединило этих двух таких разных мыслителей.

²⁰ См. одну из его последних статей: *Степун Ф.А.* Искусство и современность // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 921–922.

²¹ «Сильная любовь большею частью бывает несчастна, а несчастная любовь... ведет к самоубийству в той или другой форме» (*Соловьев В.С.* Смысл любви // *Соловьев В.С.* Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. СПб.: «Товарищество «Просвещение», б.г. С. 8.

²² *Чижевский Д.И.* (П.П.) Ф. Степун. Из писем прапорщика-артиллериста. Прага, 1926 // *Современные записки.* Париж, 1928. Кн. 34. С. 511.

²³ Там же.

Очень хочется, чтобы это чувство дружбы в условиях к ней не располагавших, чувство подлинности и взаимопомощи читатель увидел в публикуемых письмах. А ведь, по словам Цицерона, дружба может соединять лишь достойных людей (“О дружбе”).

* * *

Конъектуры в квадратных скобках [] принадлежат публикатору, все явные орфографические и синтаксические ошибки, не несущие на себе манеры автора, исправляются без особых о том упоминаний. Все переводы с немецкого (включая фразы и слова, встречающиеся в письмах) принадлежат публикатору.

В заключение я хотел бы выразить признательность немецкому фонду “Marion-Dönhoff-Stiftung” за финансовую поддержку моего пребывания в архивах Германии, г-же Ирене Брауэр, г-ну Карлу-Хайнцу Корну, г-же Дагмар Херрманн (Кельнский университет), а также директору Института славистики Хайделбергского университета профессору Урсу Хефтриху (Urs Heftrich) за предоставленную возможность работать в библиотеке и архиве университета.

Письма Ф.А. Степуна к Д.И. Чижевскому*¹

1².

7 августа 1946

Роттах

Дорогой Дмитрий Иванович,

Наша корреспонденция все как-то не налаживается. Не удалось, к сожалению, и наше свидание. В свое время я телеграфировал Вам в Аугсбург и выехал из Мюнхена в надежде по настоящему побеседовать с Вами, но телеграмма вернулась с надписью, что адресат в Аугсбурге не проживает. Телеграмма была послана по указанному Вами адресу. Почему так случилось, мне до сих пор непонятно.

Очень грустно, что Ваша марбургская профессура все как-то не налаживается³. Не знаю всех деталей, но все же думаю, что Вам надо там укрепляться так как лекционный заработок Вас не удовлетворит, Вы как никак прежде всего ученый, а ученостью широкой аудитории не захватишь⁴.

Вашу просьбу позаботиться о лекциях я с удовольствием, конечно, исполню. У меня невероятное количество предложений и мне никак невозможно читать всюду, где предлагают. В частности, в Мюнхене просят прочесть о Влад. Соловьеве. У меня сейчас нет ни его произведений, ни необходимых книг о нем. Да и не могу я в данную минуту готовить новые лекции. Если не сегодня, то через неделю я напишу организателям и предложу, чтоб они обратились к Вам. О гонорарах сейчас как-то принято не говорить, быть может, в виду боязни чрезмерных налогов. Если это Вас не устраивает, то Вы можете запросить о том, как будут платить. Мне до сих пор все организации, словно сговорившись, платили по двести марок за лекцию. Иногда и дорогу, но не всегда. В Мюнхенском Народном Университете только что организовалось особое отделение по вопросам России и Славянства. На днях я увижу заведующего этим отделом

* Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0041 «Подготовка к печати корпуса писем выдающегося русского философа-эмигранта Ф.А. Степуна» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

*© Кантор В.К. (публикация, примечания), 2010 г.

и предложу ему, чтобы он выписал Вас. К сожалению, Народный Университет в Мюнхене платит, как я слышал, всего только по тридцати марок за час. Читать в нем имеет смысл лишь тогда, если устроится и другие лекции в Мюнхене, и если будет предложен небольшой курс.

Есть еще предложение прочесть в “Католическом Культурном Обществе” лекцию о сущности православия. Я за эту тему взяться не берусь. Необходимо, по-моему, серьезное знание Отцов и всех догматических отличий обеих церквей. Если хотите, я и в Фюрт напишу о Вас. Приехав в Фюрт, надо было бы, конечно, устроить лекции так же в Нюрнберге и Бамберге, может быть, и в Аугсбурге. Третье гнездо, в котором я уже дважды читал и в которое снова еду, это Штутгарт, Гоппинген, Эссинген и Ульм. Во всех этих городах я смогу лично поговорить о Вас.

Как сложится моя дальнейшая жизнь мне самому еще не вполне ясно. Недели три тому назад я получил предложение читать в Мюнхене в качестве (? *здесь пропуск на странице*. – В.К.) Историю Русской Культуры⁵.

Устроили это партии и американцы при некотором сопротивлении Философского факультета. В Мюнхене страшное засилье Филологов, очень боящихся всяких новшеств и всяких посторонних им людей. В противоположность Факультету Министерство старается сделать, что можно. В данный момент я еще борюсь за более или менее приличный гонорар. По старым ставкам мне было предложено девять тысяч в год, но по новым я не могу получать больше пяти. В последнем счете это не так важно, и я, в сущности, уже решил принять предложение. Есть, быть может, еще шанс попасть в Тюбинген, где меня и глава правительства, государственный советник проф. Шмит и ректор Штейнбюхель, и министерство приняли с невероятной любезностью, но, кажется, обещали больше, чем исполнимо. Думаю так на том основании, что со времени моих тюбингенских переговоров прошло уже около двух месяцев и оттуда ни слуху, ни духу. Хотя и город и Факультет совершенно очаровательны, благодаря незатронутости войной, я, пожалуй, все же предпочел бы Мюнхен. Не по академическим, а по политическим соображениям: американцы кажутся мне более надежными людьми, чем Французы (недавно мы получили несколько номеров парижского Советского Патриота и пришли в очень грустное настроение. После таких газет и напечатанного там интервью с Бердяевым я вполне понял Ваше нежелание писать в столицу русской эмиграции).

Как обстоят дела с Вашей библиотекой? Удалось ли Вам вывести книги из Халле?⁶ Как обстоят дела с русскими книгами и с книгами о России в немецких библиотеках? В сущности, я нахожусь в совершенно безвыходном положении. Зимой я собираюсь объявить курс о России и Европе как проблеме русской историософии. Из пальца его не высосешь, а книги никаких. Нет ли у вас хотя бы книги Зеньковского “Россия и Запад”⁷ или нечто в этом роде. Нет ли хотя бы Масарика⁸ и двух томов Эренбурга⁹ и Бубнова? У меня на руках только “Пути русского богословия” Флоровского¹⁰ и “История русской философии” Шпета¹¹. Кроме того в Мюнхенской Семинарской библиотеке есть два тома Хомякова и Герцен.

Вы оказали бы мне громадную услугу, если бы могли на время хотя бы с октября до декабря прислать какие-нибудь пособия по интересующему меня вопросу. Слышал, что Швейцария завалена советскими изданиями, но отнюдь не только большевистскими книгами. Там меняют часы на книги. Отдельные книги я надеюсь мне оттуда пришлют, но когда и сколько – не знаю. В одном из немецких журналов прочел, что в Женеве вышла книга Ивана Ильина по Истории Русской Культуры. Надеюсь ее получить.

Конечно, я мог бы выйти из положения, объявив курс по Истории Русской литературы, так как русские классики в Мюнхене все имеются, но это было бы не совсем корректно по отношению к здешнему слависту Дильсу¹², довольно кажется сухому и скучному, но любезному человеку, который сказал мне, что он в Бреславле читал лекции не только в качестве Филолога-слависта, но и историка русской литературы. Другим выходом было бы объявление курса о мирозерцании Достоевского, для которого ничего не нужно, кроме полного собрания его сочинений и собственной головы, но

мне кажется, что это не то, чего сейчас жаждут студенты и мюнхенская интеллигенция, которая собирается меня слушать.

Сообщаю Вам все эти свои мысли и нужды с надеждой на дружескую помощь.

Недавно мне кратко писал Зензинов¹³. Я еще не успел ответить ему, так как завален работой и перепиской, но на письмо Р.Н. Кузнецовой (может быть, Вы еще помните ее по Геттингену) он уже успел сообщить некоторые нью-йоркские новости. Там веют несколько иные ветры, чем в Париже. Историк Карпович¹⁴ и Алданов издают нечто вроде парижских Совр. Записок¹⁵. В Нью-Йорке же продолжает выходить как Социалистический вестник, так и Революционная Россия. Все это, вероятно, глуховатая эмигрантская провинция, но все же провинция не лишенная для меня некоторого очарования. Выходят и русские книги. В ближайшее время надеюсь узнать от Зензинова возможно ли там издание моих воспоминаний, первый том которых, вероятно, к Рождеству выйдет в немецком переводе в Мюнхене. Второй том, если он будет пропущен (глава о Феврале вызывает сомнения у американских властей), выйдет спустя полгода после первого, а третий спустя год после первого. Получить бумаги на все три тома сразу издательству не удалось, но м.б. оно так и лучше: есть все же надежда, что со временем проблема России будет поставлена шире.

Второе издание Переслегина заканчивается печатанием¹⁶, и недели через три поступит в продажу. К весне появится, надеюсь, второе издание книги о театре и фильме. Пишу я еще несколько трудных статей для католических журналов. Двигается все это довольно медленно, но работать в Роттахе трудно. Во-первых, потому, что нет книг, а во-вторых, потому, что прекрасное лето располагает к созерцательности. Но самое главное – бесконечное количество людей, которые самотеком подходят к окнам: мы живем в подвальной этажке, как в Фонаре, и скрыться нельзя.

Наташино здоровье то лучше, то хуже. Боюсь, что с переездом в Мюнхен будет еще труднее, но и здесь оставаться невозможно. Наша главная забота – получить две комнаты и собственную кухню. Последнее почти невозможно. Все же я надеюсь, что и это удастся.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет.

Ваш Ф. Ст.

Списываясь о лекциях, имейте в виду, что между 10 и 25 сентября меня не будет в Баварии, а повидаться мне очень хочется.

2¹⁷.

В редакцию

Франкфуртского обозрения (Frankfurter Rundschau)

лично в руки господина фон Е. Лесснера

Марбург, Роттенберг 16

Господин гессенский министр культуры доктор Штайн¹⁸ выдвинул весьма далекоидущие обвинения против господина Чижевского как ученого и как человека (мотивы этой борьбы остаются для меня непрозрачными).

1. Господин министр утверждает, что Чижевский не полноценный славист, а всего лишь “философствующий славянский эмигрант”. И 2. Что он находится в подозрении “деятельности в пользу Советского Союза”, проще выражаясь, означает, что он платный агент Москвы.

Поскольку сам я не славист, возможно, мне не разрешено собственное суждение о слависте Чижевском. Но по всему, что я слышал от первых авторитетов в персональных разговорах о деятельности Чижевского в области славистики, должен я добавить, что дисквалификация профессора Чижевского со стороны господина министра есть очевидная проверка его несостоятельности. Я беседовал о Чижевском однажды с Фасмером¹⁹, с моим умершим земляком – профессором славистики в Вене, князем Трубецким²⁰, а также с очень известным ученым, живущим в настоящее время в Амери-

ке, – профессором Якобсоном²¹. Они отзывались о слависте Чижевском всегда только самым похвальным образом. О том, что Чижевский дилетант в области славистики я никогда ничего подобного не слышал. Я также категорически не могу подумать, что человек духа, большой добросовестности и работоспособности такой как у Чижевского, занимающегося в этой области как исследователь долгих 20 лет, не стал господином в этой области. В заключение хотел бы я еще заметить, что если также квалификация профессора Чижевского в избранной им сфере деятельности могла бы вызывать некие трудности в силу его многосторонности; это не имело бы никакого основания ставить под сомнение его квалификацию как ученого, ибо в обширных пространствах исследования России он сделал больше, чем кто-либо другой. Углубленное знание славянского Востока и, прежде всего, предмета отношения России и Украины сегодня имеет особенно большое значение.

2. Что же касается уязвимого момента, то я здесь осмелюсь как социолог и русский эмигрант заступиться за прославленного и авторитетного профессионала и специалиста. “Шпиономания” – весьма типический симптом политически запутанного положения, в котором сегодня находится почти вся Европа и особенно русские эмигранты. Уже десятилетие наблюдаемые советскими шпионами русские эмигранты почти вынуждены оглядываться, чтобы разглядеть вблизи себя шпионов и если ситуация для настоящих “пахла жареным”, они заявляли в соответствующие места об этих мнимых шпионах (эмигрантах. – В.К.) чтобы избежать опасности (сами настоящие шпионы оставались, как правило, нераскрытыми). Но как раз потому, что национал-социализм погряз в “шпиономании”, что стало в результате своего рода эпидемическим заболеванием в социальном пространстве, нам должно быть настороже и делать все необходимое, чтобы не поддаться этой заразе. Для министра культуры это необходимо в высшей степени.

Много лет назад я сам благодаря известному русскому писателю Арцыбашеву²² был очернен в прессе как “ультрафиолетовый коммунист” лишь на том основании, что объяснял большевизм как грехопадение русской идеи и псевдоморфозу русской религиозности и делал это не для немецкого генерального штаба и не для русского еврейства. Эта клевета имела результат после захвата власти Гитлером – в нацистских комиссиях для борьбы против революции и привела к ряду указаний против меня, и я должен был отвечать перед тогдашними национал-социалистическими отделениями в Дрездене за мою просоветскую позицию.

Что подобные вещи имели место при господстве национал-социалистической диктатуры, не удивительно. Почему, однако, должно такое же происходить в демократической Германии?

Федор Степун

Мюнхен, 27 марта 1949

[27.04.49]

Prof.Dr. Fedor Stepun
München 27
Mauerkircherstrasse 52

Дорогой Дмитрий Иванович!

Большое спасибо за письмо. Если будет очень нужно и для окончательного очищения Вашей личности²³ безусловно необходимо мое свидетельское показание в Марбурге, то я, конечно, приеду, но очень просил бы Вас все же избавить меня, если только это возможно, от этой поездки, так как я решительно задыхаюсь от всего того, что еще необходимо осилить до начала семестра. Главная задача это сдать вовремя, т.е. до 1-го июня третий том воспоминаний, немецкий перевод которого я еще не начал просматривать²⁴. А тут еще гости едут: целых две дамы, очень приятные, но весьма несвоевременные.

Самое главное, будьте другом, и вышлите, взяв, быть может, на свое имя Полнера о Толстом²⁵, сборник Пути о нем и если есть Шестова: Толстой и Ницше²⁶. Эти вещи мне нужны как можно скорее, так как я 5-го мая начинаю читать и хочу первую лекцию посвятить общей характеристике миросозерцания Толстого и его месту в русской духовной жизни. Обо всем остальном жду от Вас указаний, так как у меня самого, кроме самого Толстого, Нетцеля, Мережковского и Бирюкова ничего нет.

Будьте другом, не задержите с книгами, а то мне тревожно на душе.

О Вашем деле слышал много с разных сторон. Между прочим, и в Бремене от профессора Обста.

Очень сейчас спешу, так как вернувшись домой, застал груды писем, на которые надо в срочном порядке отвечать.

Надеюсь, что у вас все благополучно, шлю Вам самые сердечные приветы от Натальи Николаовны и себя.

Искренне Ваш Федор Степун

3²⁷.

Den 22.IV.1950

Дорогой Дмитрий Иванович,

Я бесконечно виноват перед Вами. Получил целых три письма и еще ни на одно не ответил Вам. Отвечать мне, впрочем, не на что, но ведь важен не ответ, а беседа. Спасибо за память и желание таковой. Все, что Вы пишете, наводит на меня грусть. Уж одно то, что Вы, имея настоящую профессию и получая солидные сотни долларов, стремитесь вернуться в Германию, чтоб посидеть в Штутгартском кафе и пройтись вдоль Некара²⁸, не возбуждает во мне желания ехать за океан. Недавно был тут у меня ученик Карповича; русский американец по фамилии, кажется, Fischer, как мне показалось, умный, осведомленный, живой и справедливый человек. Мы виделись накануне нашего отъезда в Швейцарию накоротке, но все же я выяснил, что для процветания в Америке надо быть, во-первых, молодым, а во-вторых, американцем, хотя бы по стилю и духу личности. Я стар и глубокий Европеец. Ехать в Америку значит для меня таким образом понемногу угасать. Тем не менее, я все же своего плана о переезде не оставляю, т.к. постепенно прихожу к заключению, что Западу без войны с Советами не справиться²⁹. Его политические деятели никак не могут сговориться, в особенности не могут сговориться в отношении Германии. Демонтажи родят коммунистов. Продолжающееся перевоспитание гальванизирует “национал-социалистов”. Доверие к американцам постепенно падает, а боязнь Советов растет. Растет, к сожалению, не только боязнь, но и чувство, что сопротивляться почти не стоит. При таком унынии у Советов растут шансы на успех холодной войны. Иной раз я какою-то дрожью в позвоночнике чувствую, что пора собирать манатки. Потом это чувство, конечно, проходит. Жизнь вокруг так быстро улучшается, работа в Университете идет так хорошо, книги мои распространяются весьма быстро, постепенно приоткрывается и Европа, то есть Швейцария и Париж, что невольно начинаешь терять чувство бдительности.

Недавно был у меня Гурьян³⁰, толстый, астматический, с лицом то очень брезгливым, то детски улыбочатым; он не верит ни в какую войну и очень советует оставаться в Германии. Сначала я было обрадовался его мнению, а потом, поговорив, убедился, что он не очень разбирается в политических вопросах. Главное же, [больше] боится мертвых нацистов, чем живых большевиков. Такая точка зрения по мне гиблое дело для Европы.

На днях я познакомился здесь с Федором Ивановичем Либ'ом³¹, который, несмотря на свою советофилию, которая, как он мне написал, сошла с него, оказался очень

милым человеком. Проведя час в его библиотеке, я пришел в отчаяние, т.к. у нас [в] Мюнхене почти ничего нет. Все спасение в Марбурге. Я связался с FrI. Apel³², которая недавно была у меня с Гурьяном, и она помогает мне в работе. Следующий семестр я читаю о культурных взаимоотношениях “Geistige Beziehungen”³³ между Россией и Германией в XIX и XX веках. Курс этот очень волнует меня, но и интересует. Читаю Веселовского: “Западноевропейское влияние в Русской литературе”³⁴. Я вспоминаю Ваше волнение по поводу русского просвещения³⁵. Это поистине мракобесная книга. Слова: мистика, средневековье, католицизм, все это означает у него в конце концов сплошную глупость и обскурантизм³⁶. А ведь книга вышла в 1910 г.

Вы пишете, что к 80-летию Лосского³⁷ будет издан, быть может, в честь его сборник. Мне очень хотелось бы написать в нем философскую статью, т.к. я уже давно не печатал ничего философского на русском языке и т.к. печатать философию кроме как в таком сборнике негде. Если сможете, то сообщите редакции сборника о таком моем желании, за что буду Вам очень благодарен.

Очень хотел бы знать, успели ли Вы прочесть второй том моих воспоминаний. Единственный дошедший до меня из Америки отзыв, это две рецензии Вишняка. Оно, конечно, лестно, что он меня сравнивает и с Шатобрианом, и с Герценом, но тем не менее в рецензии много подводных шпилек, и главное, мало понимания; даже где-то усмотрел во мне антисемитизм, хотя он только в том и состоит, что я признаю существование евреев, но ведь это необходимо, хотя бы только для того, чтоб их любить. В свое время мы списывались с Карповичем, что в “Новом журнале” напишет Вейдле³⁸, но, к сожалению, и в нем, как и в “Новом русском слове” появился Вишняк³⁹.

Через несколько недель выходит мой третий том⁴⁰, который в продажу поступит только в августе⁴¹. Я, конечно, сейчас же вышлю его Вам и в редакцию “Нового журнала”. Думаете ли Вы, что есть какая-нибудь возможность заинтересовать моей автобиографией американского издателя? Мне было бы бесконечно важно запастись в Америке хотя бы несколькими тысячами долларов.

Сейчас, готовя курс, читаю по-русски Вашего Гегеля⁴² и очень радуюсь европейской солидности русской работы. Видали ли Вы, к слову сказать, книгу Schelting’a “Russland u. Europa”⁴³. На первый взгляд, она тоже сделана очень солидно, но солидность скорее стилистическая, чем существенная. Киреевского⁴⁴ вообще нет, а Шевырев⁴⁵ очень выпячен. На протяжении двух страниц утверждаются противоречивые вещи: один раз утверждается, что славянофилы были гегельянцами, а другой раз, что они ими не были, т.к. были шеллингианцами. И.А. Ильин, конечно, зря его заподозрил в желании перевести Россию в католичество и в полном незнании философии, но все же книга хуже ее славы, а прославилась она в Германии быстро.

О смерти Яковенко⁴⁶ я знаю, мне писала его дочь; просила написать рецензию в Германии, но я сделать этого не мог, отчасти потому, что у меня не было под рукой его книг, а отчасти по глубокой чуждости его метода философствования всему моему существу. Известие о его смерти вызвало во мне большую грусть и боль. Какова, в конце концов, его чешская история русской философии⁴⁷? Стоило бы ее перевести на немецкий язык, или она рядом с работой Зеньковского не имеет смысла?

Ну, дорогой Дмитрий Иванович, пора кончать, а то не хватит швейцарских франков на отправку этого запоздалого, но зато уж очень длинного письма. Не казните меня молчанием, а напишите поскорей. Во-первых, у Вас почерк читабельный, а во-вторых, у Вас машинка есть. Я же диктую письма случайно встретившейся в трамвае соотечественнице, чем объясняется незнакомость Вам почерка этих строк.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Федор Степун⁴⁸

P.S. Простите грязь и безграмотность письма. Здешние знакомые (О.Э. Макер) порекомендовали стенотипистку. Вот результат этой (слово неразборчиво. – В.К.) работы. Единственное утешает, что она очень нуждалась в заработке.

9 августа 1951 г.

Дорогой мой Дмитрий Иванович,

большое Вам спасибо за Ваше обстоятельное, интересное, но и бесконечно грустное письмо⁵⁰. Я уже слышал и от Карповича и от других “американцев”, что Вам не понравилась Америка. Кто-то хорошо рассказывал, что ваш протест против “Нового света” проступил даже и в Вашей внешности: длинноволосый и более медленный, чем раньше, с какою-то русско-интеллигентской старинностью во внешности, ходит-де Дмитрий Иванович около Харвардского университета живым обвинительным актом бездушной динамики американского столпотворения. Ваше последнее письмо подтвердило это описание, которое мне казалось все же преувеличением.

Вы пишете, что обо мне ходят противоречивые слухи: многие будто бы ждут моего приезда в ближайшее время, а другие говорят, что мне не хочется ехать. Оба сведения вполне правильны и противоречия в них нет. Я хочу ехать, но мне до смерти не хочется покинуть Европу и переселяться в новый мир, в котором я буду себя чувствовать, вероятно, еще хуже, чем Вы или, говоря точнее, в котором у меня будет еще больше причин, чем у Вас, чувствовать себя “выходцем с того света”, т.е. живым покойником.

Решили мы с Наташей с год тому назад, то есть в первые дни корейских событий, ехать, потому что вдруг стало ясным, что напряжение между Москвой и Вашингтоном не сможет иначе разрешиться, как на путях войны. Остаться в Германии – значило при этих условиях попасть в лапы большевикам в советскую тюрьму и подвергнуться пыткам, которые, быть может, окончились бы восхвалением Сталина в общемировом масштабе. Такого конца жизни я не только не хотел для себя, но я и не считал себя вправе разрешить его себе из-за нежелания расстаться с хорошей, сытой и интересной жизнью.

Но этот “категорический императив” не лишил меня мечты, что, может быть, как-нибудь пронесет мимо. Мне тут живется очень хорошо, если бы не годы, то есть не сознание своей приближающейся старости, то я сказал бы, так хорошо, как мне еще никогда не жилось: аудиторная интересна и все еще достаточно многочисленна (около 200 человек). Одна советская студентка написала у меня очень хорошую работу о категории мещанства в русской философии, идут и другие докторские работы. Моя автобиография распространяется по нынешним временам достаточно быстро: первый том вышел уже вторым изданием. Печататься можно в любом количестве и в Германии и в Швейцарии. В “Социологическом ежегоднике” Леопольда фон Визе⁵¹ я написал статью “Родина и чужбина”⁵². К социологии эмиграции, беженства и советского патриотизма. Сегодня у меня был профессор Штегеман с предложением-просьбой согласиться прочесть доклад на ту же тему на международном социологическом конгрессе в Стамбуле. В сборнике Бринкмана “Социология и жизнь” набирается статья под заглавием “Структура объективности социологического суждения”. К Рождеству выходит третье издание “Переселегина”⁵³. Весною второе, расширенное, издание книги “О театре и фильме”⁵⁴. С издательством Шваба в Штуттгарте подписан контракт по изданию моей “Социологии революции”. Кроме того, выпускаю у Кезеля сборник статей (350 стр.) под заглавием “Стружки”⁵⁵ и у Ханзера “Русские портреты”: старые статьи о Бунине, Вячеславе Иванове, Белом, Бердяеве, которые дополняю портретами Блока, Горького, Алексея Толстого и четы Фундаминских⁵⁶. Предложение лекций бесконечно. И вот все это бросить и ехать в Америку вызывает в душе, конечно, отчаяние, тем более, что все более отрываются возможности поездок и в Швейцарию, где я раза 2–3 в год читаю, и в Париж, и в Рим.

Здесьшний возглавитель американской администрации, милейший профессор Шустер, ученик Фослера, очень хорошо относящийся ко мне, пытался было устроить меня в Америку; он писал целому ряду людей и познакомил меня с некоторыми американцами, занимающимися русским вопросом, между прочим, и с профессором Мосле. О том же хлопотал и Михаил Михайлович Карпович и мои немецкие друзья Кронер⁵⁷ и Тиллих⁵⁸. Но из всех этих хлопот не только ничего не вышло, но вышло то, что я окончательно понял, что я окончательно убедился, что мне в Америке приличной жизни, при которой я мог бы продолжать свою работу, так же не видать, как своих ушей. Профессура для меня исключена, так как мне минуло уже 67 лет. Исследовательские институты старых эмигрантов не принимают, до сих пор старавшийся об этом Николаевский⁵⁹, живущий в Америке уже 25 лет, этого не добился, рокфеллеровские стипендии⁶⁰ даются только молодым людям могущим подписать бумагу, что по истечении 4 лет они будут распространять в своей стране американскую культуру. Своей страны у меня через четыре года не будет, да и американская культура не станет для меня своей. Кроме того, я очевидно и по стилю своего писательства и по всей структуре своей личности не американец. Самое же главное препятствие в том, что я не знаю английского языка. Читать и понимать науку с грехом пополам я, конечно, выучусь, но говорить я, конечно, не смогу. В результате я понял, что мне придется пробиваться статейками в русско-немецкой прессе и каким-нибудь подсобным ремеслом, вроде резания бананов для американских салатов. Говорят, за это платят довольно хорошо. Можно, конечно, рассчитывать на счастье: попала же моя сестра после нескольких месяцев прислуги и маяты в секретариат ООН⁶¹, но если надеяться на чудо, то необязательно ехать в Америку: чудеса могут случаться и в Европе.

Описание всех этих моих задерживающих чувств не отменяет моих хлопот о выезде. Сейчас мы проходим процедуру выезда как фолькс-дейтш. Думаю, что к весне дело будет закончено. На что я тогда решусь, мне самому еще не ясно, так как мне начинает сдаваться, что мир приходит в состояние некоторого равновесия. Целый ряд американцев, а также и немцев, ученых и политиков, убеждают меня, что мир живет на вулкане, но одновременно переживает весьма мирные времена. На вулкане в том смысле, что все готовятся к войне, но мирные времена потому, что ее не будет. Американцы не начнут превентивной войны, во-первых, потому, что они потеряют своих европейских союзников, не желающих драться, а во-вторых, и по причине того, что американская демократия, готовая защищать себя до последней капли крови, по своему почину ни одной капли крови не прольет. Сталин же не романтик, не Гитлер, не Вильгельм Второй, а старая мудрая крыса Онуфрий, который прекрасно знает, что выиграть войны он не может, а проиграв ее, похоронит все дело и России, и коммунизма, и себя самого. Мне кажется за последнее время, что в этих рассуждениях есть некоторая доля правды. Весьма пессимистично писал мне о шансах нашего устройства в Америке также и Тиллих⁶². Он также думает, что войны еще долго не будет, а если она начнется, то теперь большевикам парадным маршем за Рейн не перейти. В таком случае можно было бы еще укрыться и в Швейцарии, с которой у меня хорошие связи. Вот, дорогой Дмитрий Иванович, разгадка противоречия в слухах обо мне. Я, действительно, и сам охвачен противоречием. Ответил Вам сразу же, ибо был бы весьма рад, если бы между нами наладилась переписка. Читали ли Вы "Бесноватых" Ремизова?⁶³ Я, зная о Грудцыне только из Вашей истории литературы, кот. прочел с большим удовольствием, был очень увлечен ремизовской транскрипцией: в ней изумительно единство филолога и поэта, истории и исповедания.

Наталья Николаевна и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Искренне Ваш Федор Степун

Дорогой Дмитрий Иванович,

”во первых строках моего письма”, как писали солдаты, позвольте Вас от души поздравить с минувшим Рождеством Христовым и, по русскому календарю, с только еще наступающим Новым годом. Бог даст, ничего особенно злого он нам не принесет. Темных предчувствий у меня на сердце нет, но нет и радостных ожиданий. Великое и грозное стало скучным – это подлинная трагедия.

Спасибо Вам за быстрый ответ и напоминание о Шаберте. Читая в Кельне, я попросил его навестить меня в отеле, а недавно он был у нас в Мюнхене. Нет сомнений, что он человек очень знающий, очень живой, хорошо говорящий и что вокруг него не умерла бы окончательно та жизнь и тот интерес к России, который мне удалось вызвать в Мюнхене. Недавно вспомнил и о Вашем ученике, имя которого в данную минуту не могу вспомнить (вспомнил: Dietrich Gerhadt)⁶⁴ читал его работу о Гоголе и Достоевском, но, несмотря на то, что он работал в Нюрнберге, как-то не познакомился с ним. Вы, следящий за всеми людьми и за всеми работами, вероятно, знаете, что было им сделано и сможете поэтому посоветовать, надо ли и о нем подумать, как о профессоре по русской культуре в Мюнхене. Буду очень рад, если Вы и на этот раз не задержите ответа. Мне хотелось бы еще в этот семестр созвать факультетский совет для обсуждения моих планов.

Меня очень поразило то, что Вы написали о Штаммлере⁶⁵. Что он не использовал в своей докторской работе новейшей литературы я Вам, конечно, на слово верю. Вы тут специалист. Но чтобы он на Вас где бы то ни было доносил – в этом я очень сомневаюсь. Я его очень хорошо знаю, первые годы в Мюнхене он был моим ассистентом и я считаю его человеком глубоко порядочным и совершенно неспособным на какой бы то ни было донос. Я знаю, что он был очень опечален Вашей рецензией и считает ее жестокой, но от печали и до доноса все же еще “дистанция огромного размера”⁶⁶. Будьте добры, напишите мне поподробнее, откуда у Вас сведения о доносе и в чем он состоял⁶⁷. С тех пор, как Вы мне об этом написали, я испытываю какую-то вину перед Штаммлером, но говорить с ним мне об этом не хочется, не имея точных сведений.

От Татьяны Сергеевны Франк⁶⁸ я знаю, что Вы ведете с нею довольно оживленную переписку. Очень рад за нее, так как она только и живет, поскольку дышит тем воздухом философии, которым дышал ее муж. В этом семестре я читаю историю русской философии и надеюсь посвятить часа четыре изложению системы Семена Людвиговича. Прочел в сборнике и Вашу, как всегда исключительно осведомленную статью. Вслед за нею прочел и статьи Франка о Пушкине – в “Пути” и белградском сборнике⁶⁹. Статьи, конечно, хорошие, но в них все же больше обстоятельности, чем новизны. Татьяна Сергеевна просит, чтобы я в Новом Журнале написал рецензию на сборник⁷⁰, что я, конечно, с удовольствием сделаю, если Карпович не поручил эту работу уже кому-нибудь другому. Видите ли Вы у Вас в библиотеке Hochland⁷¹? В февральской книге будет моя статья “о пролетарской революции без пролетариата”⁷². Новыми для Вас будут разве только детали, так как Вы основную мою концепцию знаете. Не знаю, высылал ли я Вам оттиск моей небольшой статьи о природе объективности социологических суждений, а также о смысле искусства. Это только наброски, которые, может быть, в будущем смогу разработать. Если не посылал – черкните, и я вышлю.

Ну, дорогой, мне надо кончать. Необходимо написать еще целый ряд писем, а я диктую уже больше двух часов.

Шлю сердечный привет от Наталии Николаевны и меня и крепко жму Вашу руку. Знаете ли Вы Метцгера? Я с ним познакомился в 23 году в семинаре у Гуссерля. По-моему, и Вы в этом семинаре участвовали. Он написал уже давно книгу о мета-

физике и феноменологии. Скоро выходит его книга о свободе и смерти. Ум острый и богатый, но, как мне кажется, уж очень курчавый и без гранитных пластов в глубине. Сегодня пил утром у меня чай и страшно ругал последнюю книгу Тиллиха “О мужестве к Бытию”⁷³. Я все подозрительнее отношусь к философии, которая портит человеческие души.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Федор Степун

6.

28.5.55

Дорогой Дмитрий Иванович,

несколько дней тому назад мы с Натальей Николаевной вернулись из Рима. Кроме Рима, который я уже и раньше поверхностно знал (провел я в нем в свое время всего только 6 недель), я изучал литературное наследство Вячеслава Иванова: его роман⁷⁴ и его стихи, озаглавленные “Дневник”. Ольга Александровна Шор⁷⁵ показывала нам Рим и много рассказывала о последних годах поэта и ученого. Она пишет о нем большую книгу, очень интересную.

В Риме мы были в гостях у тамошнего слависта, который, по существу, вовсе не славист, а, как мне кажется, довольно глубокомысленный философ, хотя, вероятно, и мало творческий дух. Фамилию я его сейчас забыл, но Вы его, конечно, знаете. За чайным столом я сидел рядом с Вашей невесткой, которая преподает русский язык где-то в Америке, а также и с Вашей парижской невесткой. Мы много говорили о Вас, а в частности и о ее тетушке – Маршак⁷⁶, с которой я учился в Гейдельберге и которая, также как и я, жила на поэтическом “Гремящем озере”. Туда же в Рим я получил открытку от Шелкарского, в которой он сообщал мне, что Вы, кажется осенью, приезжаете в Европу и будете профессорствовать в Лейдене. Верно ли это и окончательно ли Ваше решение? Сегодня пишу Вам по совершенно конкретному поводу. Большое венское Издательство подготавливает нечто вроде энциклопедии по вопросам литературы, понимая этот термин в расширенном виде, т.е. включая в сонм литераторов и некоторых философов, а, быть может, и историков-литераторов. Задуман и русский отдел. Кто составлял список авторов, о которых должны быть довольно большие статьи и авторов, о которых будут только суммарные заметки, я не знаю, но составляли это бесспорно хорошо знающие русскую литературу люди. Если Вы заинтересуетесь делом ближе, то я могу прислать Вам список имен, о которых должны быть написаны статьи. Думаю, что издательство, вероятно, обращалось уже и к Вам.

Обо мне должна быть написана особая статья. И вот издательство меня спрашивает, кого я могу предложить в качестве автора такой статьи. Ввиду многомерности и многосторонности моих писаний, мне очень трудно найти автора, который мог бы охарактеризовать меня и как философа, и как социолога, а, если хотите, и как беллетриста, потому что и в “Письмах прапорщика”, и в “Переслугине”, и, главным образом, в “Воспоминаниях”, которые осенью должны выйти в Чеховском Издательстве⁷⁷, очень много самой подлинной беллетристики. Сколько я ни думал, я не мог никого предложить кроме Вейдле и Вас. Но Вейдле работает сейчас, как раб, на русско-американском радио и ничего писать не может. Остаются таким образом только Вы, который меня, в конце концов, хорошо знает. А потому и спрашиваю Вас, могу ли я издательству предложить Вас как автора. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли согласиться. Я мог бы, конечно, попросить написать немцев или таких пол-русских⁷⁸ писателей, как Отто фон Таубе, но мне очень не хотелось бы предлагать их, потому что для меня важно включение меня в русскую философию и русскую литературу. Как-то

недавно я случайно пересмотрел свою книжечку “Жизнь и творчество” и убедился в том, что я за много лет до выхода “Философии творчества” Бердяева, высказал целый ряд высказанных и им впоследствии мыслей. В “Хохланде” я напечатал уже после войны целый ряд статей по социологии русской революции, в которых углубил, как мне кажется, мои мысли, развитые впервые в “Современных записках” и вошедшие впоследствии в мою немецкую книгу “Лик России и личина революции”⁷⁹. “Переслегин”, понятый как философия любви, очень многими нитями связан, конечно, с соловьевской эротологией, от которой я, в лице моего героя, все же в эпилоге отрешиваюсь. О моих статьях о Белом, Иванове, Бунине – немцы ничего сказать не могут, так как они этих авторов не знают. Но мне, в конце концов, не надо ничего говорить Вам о себе и моей укорененности в том, что в последнее время стали называть “серебряным веком русской литературы”. Вы сами все это и без меня знаете. Буду очень рад, если Вы не задержите ответа, так как издательство торопит меня. Сам я, вероятно, буду писать о Бердяеве, Белом и Бунине.

Наталья Николаевна и я шлем Вам сердечный привет и с радостью ждем к нам в Европу.

Искренне Ваш Федор Степун

7.

23.7.55

Дорогой Дмитрий Иванович,

большое спасибо за Ваше письмо от 3-го июня, исполненного все того же мрачного пессимизма по отношению к американской культуре и в частности к университетской науке. Жалею, что слухи о Вашем переезде в Лейден – преждевременны, ибо думаю, что при Вашем отношении к Вашей американской профессуре Вам всякое европейское место было бы более по сердцу. Да и к нам Вы были бы ближе. Особенно рад, что получение “умеренной” стипендии даст Вам возможность побывать в Европе. Надеюсь, что Вы будете в Мюнхене, так что нам с Вами доведется по-настоящему увидеться. Хорошо было бы, если б Вы приехали на рождественские каникулы. Я был бы свободнее, и мы могли бы по душам поговорить. Только что с удовольствием, как всегда, прочел Вашу рецензию на две книги о Гоголе. Что касается книги Сечкарева, то общий похвальный отзыв несколько снимается разбором деталей, в чем я Вам вполне сочувствую. Я не так давно был в Гамбурге, куда по приглашению университета езжу читать почти что каждый год. Обедая, конечно, у Сечкарева, который очаровательно приветлив и по-русскому радушен. Но, по-моему, он все же духовно как-то сплюснен формализмом Шкловского⁸⁰. Для него искусство начинается там, где кончается эпоха, нация и, как он мне сказал, даже язык. Он эту мысль развил в небольшой брошюрке, которую я только что прочел. Читая, вспоминал Гоголя: “Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать”⁸¹. В его кабинете стоит бюст Вольтера, которого он любит много больше Достоевского, ему, впрочем, чуждого. У Брауна есть аналогичные “загибы”. Он недавно читал здесь лекцию об Аввакуме, центральной мыслью которой была жалость, что в России было много жалости, но мало гуманизма. Но в анализе Аввакума, как мне кажется, было много нового и интересного. Кажется, эта лекция уже появилась в первой книге “Нового журнала” Кошмидера.

Большое Вам спасибо, что Вы охотно согласились написать обо мне. По этому вопросу я не писал Вам, так как ждал ответа Венского Издательства о возможном размере статьи. Недавно получил уже третье письмо от редакции с указанием того, что она все еще ведет переговоры с издательством Гердера об увеличении количества страниц для русского отдела. Я просил редактора Круа, чтобы он сам написал Вам, сообщил

бы, что извещен мною о том, что Вы напишете обо мне, написал бы, какое количество строк может быть Вам предоставлено и к какому сроку статья должна быть в редакции. Очень надеюсь, что это письмо Вами уже получено и что дело наладится. Повторяю, кроме Вас из русских обо мне никто написать не может. Передавать же статью в немецкие руки мне бы не хотелось, так как все-таки немецкий автор не мог бы ощутить всей той атмосферы “серебряного века”, из которой я вырос, а кроме того, ни мои статьи в Современных записках и Новом граде, ни “Жизнь и творчество” не переведены на немецкий язык.

Ну, кончаю. Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет и радуемся свиданию.

Ваш Федор Степун

8.

Дорогой Дмитрий Иванович,

к сожалению, был принужден послать Вам телеграмму, что мы на Троицу уезжаем отдохнуть за город. Погода помешала выполнению этого желания, но ежедневно возникавшие надежды помешали отмене телеграммы.

Когда же Вы все-таки думаете попасть в Мюнхен? Очень нужно было бы знать это не в последнюю минуту, дабы освободить для Вас нужное время. Я уже писал Вам, что 15 июня я читаю в Бонне, где пробуду, вероятно, еще и субботу, а 29 в Констанце, откуда приезжаю к Вам в Гейдельберг, из которого выеду только во вторник утром, рано, так как в половине шестого читаю в Университете. Для меня было бы приятно, если бы Вы приехали в июле, так как весь июль я в Мюнхене. 24-го – последняя лекция. По окончании семестра можно было бы, конечно, повидаться с облегченной душой. Может быть, и Вы к тому времени окончите всякие разъезды. Но, конечно, все эти соображения для Вас ни в какой мере и степени не обязательны. Исходите из своего расписания и сообщите, повторяю, не в последнюю минуту, когда собираетесь к нам.

Что касается моей статьи для Вас, то сделаем так: недели через две, а, может быть, и раньше я Вам пришлю моего Соловьева. Если он не понравится, то я уже в конце семестра засяду за Белого, которого, думается, безусловно смогу закончить к нужному сроку. Я сам предпочел бы напечатать у Вас о Белом, но должен еще спросить моего издателя Ганзера, согласен ли он, чтобы эта статья, которая должна войти в мой сборник, была бы напечатана до его выхода отдельной брошюрой. Конечно, он будет только рад, если бы брошюра вышла не на немецком, а на французском или английском языке.

Очень жду сведений о том, останетесь ли Вы в Гейдельберге.

Было бы очень приятно хотя бы изредка встречаться с Вами.

Мои “Воспоминания” под измененным заглавием “Бывшее и Несбывшееся” вышли по-русски⁸².

Был бы очень рад, если бы Вы смогли написать на них рецензию. В Новом Журнале пишет Карпович, но Гуль⁸³ сообщает, что они могли бы дать и не один отзыв. Думаю, что для Вас нашлось бы всегда место. В них все же много философии, беллетристики и лирики. До сих пор же о них писали исключительно политики, для которых вся эта сторона не представлялась особенно важной.

Наталья Николаевна и я шлем Вам сердечный привет и крепкую надежду, что Ваши лета не помешают Вашему назначению на гейдельбергскую кафедру.

Ваш Федор Степун

Мюнхен, 14 декабря 1956 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Уже очень давно о Вас ничего не слышал и письма не имел. В последней открытке Вы писали, что в октябре собираетесь в Мюнхен. Я, правда, в октябре, как и в ноябре, много разъезжал, много читал лекций, но все же думаю, что если бы Вы собрались в это время в Мюнхен, то написали бы мне открытку. Сейчас у Вас семестровая горячка, и Вы вряд ли соберетесь к нам. Все же хочу Вас спросить, не могли бы Вы приехать в Мюнхен и прочесть здесь на русском языке в Библиотеке в приятном помещении в 10 комнат и с небольшой залой, где могут собраться человек 100 здешней духовной элиты. Как никак здесь сейчас Вейдле, Ржевские, Газданов и еще целый ряд интересных слушателей. Мне это особенно хочется и по особой причине. По целому ряду причин в Мюнхенской колонии создалось какое-то ненужное напряженно-враждебное отношение между украинцами и русскими. Библиотека, принципиально аполитичный Институт, которой я сочувствую и помогаю, старается, поскольку возможно преодолеть темные стороны этого враждования. Было бы очень хорошо, если бы Вы, как украинец, приехали бы по приглашению Библиотеки и прочли в ней на русском языке доклад о Гоголе. Дорога Вам будет, конечно, оплачена. Думаю, что может быть будет оплачен и небольшой гонорар. Мы сейчас праздновали День Русской Культуры, на который из Парижа выписывался Зайцев с женой. Я был очень рад с ним повидаться, так как давно не видел его и так как в старости становятся особенно милы тени прошлого.

Вполне согласен с Вами, что начинать Вашу серию со статьи, которая уже предназначена к печатанию было бы неправильно. Если Вам удастся пристроить Соловьева на французском и английском языке – буду рад. Пока же прошу выслать мне назад рукопись, так как я обещал переслать ее Шилкарскому⁸⁴. Боюсь, как бы он не обиделся, если я этого не сделаю. Да мне и интересно услышать его возражения.

Как живете? Как довольны Германией и Гейдельбергом? Наташа и я шлем Вам сердечный привет и наилучшие поздравления к празднику.

Ваш Федор Степун

Мюнхен, 2 сентября 1957 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Должен признаться, что я до сих пор еще не исполнил Вашей просьбы, перепечатать фототипическим способом первый том Вячеслава Иванова. Только на днях я вспомнил об этом и поручил моей секретарше узнать, где это лучше всего сделать. Она служит в каком-то учреждении, где все это хорошо знают и где, может быть, можно будет получить даже скидку.

Дабы не было недоразумения, хочу на всякий случай еще раз спросить Вас, желаете ли Вы иметь только первую часть, т.е. первые 70 страниц Мусагетского тома, озаглавленное “Горящее сердце”⁸⁵.

Через два с половиной часа уходит наш поезд, и потому писать больше ничего не могу, так как накопилось громадное количество неотвеченных писем.

Если будут какие-нибудь уточнения с фототипическим (может быть, это и неверный термин) воспроизведением первой части Ивановского тома, то напишите срочно,

чтобы я мог снестись с моей секретаршей, которая все оборудует. Она живет в нашей квартире, и я с ней связан телефоном.

Всего Вам хорошего. Был очень рад встрече с Вами. Надеюсь, что Ваш институт получил книги. Я пока заплачу из своих, так как, вероятно, семинар не сразу уплатит.

Наташа и я шлем Вам наш сердечный привет.

Ваш Ф. Степун

P.S.⁸⁶ Напишите, какой Вам желателен размер: размер подлинника или уменьшенный.

11.

Мюнхен, 17 октября 1957 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Я бесконечно виноват перед Вами. В деревне получил Вашу открытку, записал в адресную книжку Ваш адрес, но ответить Вам не ответил. Причина в том, что окончательно разучился писать своей рукой. Что пишу, то иной раз и сам разобрать не могу. Решил отложить до машинки, и вот, вернувшись в Мюнхен и успев уже съездить в Ренландию, где прочел пять лекций, сообщаю Вам: что я послезавтра уезжаю опять на три лекции в ту же Ренландию (в Гагене – неделя, посвященная исключительно вопросам России). Организовано в общем хорошо. Читают все серьезные люди. Не нравится мне только славист Нейман из Майнца, которого я, правда, как ученого не знаю, но есть в нем – несколько раз встречался с ним – нечто не симпатичное. Вернувшись, буду дома до 26 ноября. В конце ноября читаю в Гамбурге и Ганновере. Если приедете, застанете меня.

Деньги за купленные Вами книги со скидкой пять марок здесь получены. Получил и Ваши очаровательные книжечки: Чертей и святого Николая. Читал и смотрел их в деревенской тишине, в полное свое удовольствие.

Были ли Вы за это время в Мюнхене или нет?

Наталия Николаевна и я шлем Вам самый сердечный привет.

Ваш Федор Степун

12.

Мюнхен, 2 февраля 1958 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Простите, что до сих пор не выслал Вам стихотворения Пастернака. Но дело в том, что все мюнхенские русские машинистки перегружены работой в русско-американском институте и на радиостанциях, к тому же грипп. Сегодня я передаю моей русской секретарше стихотворения Пастернака и надеюсь, что еще на этой неделе вышлю их Вам.

Недавно была у меня студентка, которая пишет довольно трудную работу об образах староверцев в русской литературе. Девушка исключительно серьезная, много прочитавшая и продумавшая, знает китайский и японский языки, вообще страстная востоковедка. Тема у нее разрослась страшно, так как от нее как будто требуется не только исследование староверческих образов в русской литературе, но и упоминание всяческих писательских размышлений, хотя бы кратких намеков на проблемы староверчест-

ва в русском художественном творчестве. Мне кажется, что такое расширение работы лишит ее целостности и значительности.

Хотя всякий студент, сдающий докторский, расписывается в том, что он работал без всякой чужой помощи, я не считаю грехом оказать дельному человеку библиографическую помощь. Так как Вы знаете русскую литературу XIX века (я посоветовал ограничиться только одним веком), то и хочу Вас спросить, у кого из русских писателей даны живые и существенные портреты представителей старой веры. Студентка разработала пока что в деталях Мельникова-Печерского, Лескова, Мамина-Сибиряка, а также и Короленко, которого я слабо знаю и у которого староверов не помню, а также и первый том “Чураева” Гребенщикова, хотя это уже в сущности XX век. Если Вы могли бы указать на какого-нибудь другого автора или вернее на каких-либо других авторов, которыми надо было бы заняться, не откажите мне сообщить, был бы очень благодарен.

Недавно у нас была жена Николай Николаевича Бубнова⁸⁷. Мы узнали, что состояние Николай Николаевича довольно тяжелое. Он, очевидно, не оправился от воспаления легких, очень апатичен, слаб и мало чем заинтересован. Жена его, ни в чем не обвиняя Вас, все-таки жаловалась, что Вы не заглянете к ним и не утешите ее мужа. По ее словам, он принимал горячее участие в Вашем назначении профессором Гайдельбергского университета. Мне кажется, было бы хорошо, если бы Вы как-нибудь заглянули к нему.

Кроме Бубновой были у нас и Кюн с женой. Очень оживлены, очень горячи и горячо живущие культурными интересами и даже вкусами к современности: в вопросах искусства, архитектуры и музыки он гораздо современнее меня. Политически он в отчаянии от создавшегося положения. Но выхода из него не видит.

Удачны ли оказались Ваши мюнхенские закупки? Кончаю. Поздно. Наталия Николаевна и я шлем Вам наш сердечный привет.

Ваш Федор Степун

13.

Мюнхен, 13 июня 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Уже давно, конечно, прочел Вашу “Святую Русь”⁸⁸. Узнал много мне неизвестного. Уточнил свои знания в областях, которыми сам ближе не занимался. Очень заинтересовало меня сближение жидовствующих и хусситов⁸⁹. Читая, радовался тому, что в целом ряде вопросов мы с Вами вполне согласны: в оценке татарского ига, в понимании Иосифа Володского⁹⁰ и т.д. Если есть в Вашей, как всегда научно-питательной книге, какой-либо недостаток, то он заключается, как мне кажется, в том, что отдельные главки построены на разных масштабах. Некоторые выписаны очень тщательно, другие “поданы”, как пишут советские авторы, гораздо более суммарно. Наиболее тщательно выписаны главки биографически-исторические, в наиболее общих чертах те, что касаются историософских проблем.

Я несколько раз вдумчиво читал 70-ю страницу, но до конца в ней все-таки не разобрался. То, что Вы, как и Флоровский, называете загадкой⁹¹, Федотов, как и Шпет, объясняет отсутствием в России античного наследства что он связывает с отсутствием латинского языка⁹². Эта тема Вами не затронута. Я в своей книжке придаю ей большое значение. Полувозражения Флоровского в начале его “Путей”⁹³, по-моему, не очень убедительны. Убеждения, что мир во зле лежит, впервые появившиеся в XII веке⁹⁴, проходят ведь красной нитью через все дальнейшее развитие России, вплоть до “Крушения кумиров” Франка⁹⁵. Не знаю, хватит ли у Вас время написать мне об этом, так

как ответы требуют гораздо больше времени, чем постановка вопросов, но при свидании хотел бы поговорить более подробно.

В дальнейшем развитии этой темы Вы пишете, что для разрешения этого кризиса культуры Россия обращается к какому-то иностранному врачу, но кто этот врач из текста не ясно. В результате этих поисков вне российской помощи появляется представление святой Руси. Я опять-таки недоумеваю, как это случилось, что искание помощи вне России привело в XV веке к теории святой Руси. В дальнейшем эта святая Русь определяется не как идеал, но как нечто соответствующее тогдашней действительности. Но разве святая Русь была когда-либо действительностью? Но если бы она ею была, то она вряд ли была бы подушкой для духа.

Я уверен, что у Вас на все это есть свои ответы, но написана вся эта страница с такою большой передачей (думаю о велосипеде), что Ваше понимание остается даже для меня неясным. Уяснить же мне это очень хотелось бы, чтобы избежать в моем собственном мышлении каких-либо ошибок или каких-либо интуиций, не оправдываемых фактами. Я же в первой главе моей книги определенно требую такого оправдания: сначала-де правильность, лишь потом интуитивно добываемая правда.

Теперь следующие две просьбы к Вам. Ганноверское радио под редакцией Меннерта⁹⁶ готовит десять двухчасовых передач о России. Я готовлю тему “Влияние Германии на русскую культуру”. На общем собрании было решено, что авторский текст должен прерываться большими цитатами из русских писателей, которые свидетельствовали о немецком влиянии или о борьбе против него. У меня довольно много материала в памяти и лекциях, но такого пребывания материала недостаточно – нужны тексты. Читая лекцию на ту же тему, я между прочим пользовался томом “Литературного наследия”, выпущенным к юбилею Гете. У нас в семинаре этого тома не оказалось, заказывать его в библиотеке, не зная какой это том, затруднительно. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли мне сообщить, какой том посвящен Гете. Самое лучшее было бы, если бы Вы могли на месяц мне его прислать.

Затем у меня в тех же лекциях много цитат из Блока о его путешествии в Германию, где он говорит о сродстве немецкого и русского духа и объясняет малое влияние Пушкина его французской ориентацией. Пишет он и о том, что он в Германии мог бы занимать любое малое место, чувствуя себя “на посту”. Есть очень интересные мною процитированные места и у Белого, о влиянии немецкой культуры на русский дух. Цитаты в курсе есть, а откуда они не указано. Был бы очень благодарен, если бы Вы могли мне помочь и указать со своей стороны, что можно было бы вставить в мой текст более или менее удобное для чтения актерам.

Наталья Николаевна у меня немножко расхворалась. 33 мы уезжаем на месяц в санаторию в Виз Зее. Шлю Вам наши наилучшие пожелания.

Искренне Ваш Ф. Степун

14.

Мюнхен, 26 июля 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

На мои два письма от Вас не было никакого отклика. Правда, они такого отклика и не требовали, так как я только сообщал Вам, где мы проводим наши летние каникулы. Про себя же я думал, зачем Вам ехать в отдаленные места, когда у Вас поблизости от Гайдельберга наверное есть много прекрасных пансионатов с живописными видами и необходимой тишиной.

Пишу Вам сейчас потому, что вчера узнал от Мелицы Киселевой, которая проездом на Венский фестиваль была у нас (произвела очень милое впечатление), что здесь

в Мюнхене был отец Георгий Флоровский, который потом целую неделю жил у Вас. Приезжал будто бы на ту же, какую-то таинственную конференцию и Зандер. Мне очень жаль, что я об этом ничего не знал. Вы знаете, что мне очень хотелось бы познакомиться с отцом Георгием. Правда, я три недели был не в Мюнхене, а в санатории в Виззее, но это недалеко. Если бы я знал о приезде Флоровского, я бы мог всегда приехать повидаться. Куда же собираетесь отдыхать?

Сердечный привет от Наталии Николаевны и меня. Она в санатории поправилась, но все-таки мы должны жить более осторожно, чем раньше.

Ваш Федор Степун

15.

Мюнхен, 21 ноября 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Спасибо за Ваше милое письмо. Было очень приятно, что оно началось с описания природных красот и что к нему был приложен лист.

Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался написать Вам и попросить у Вас прощения за мои резкие слова в ответ на Ваше суждение о “Записках охотника”. Я сам их не заметил и не запомнил, но Наталия Николаевна напомнила мне о них.

Мое волнение было вызвано не только Вашим[и], как мне кажется, очень несправедливыми на “Записки охотника” и романы Тургенева, но и тем, что всюду кругом, со всех сторон слышатся такие нападки. Идет какой-то погром все же больших ценностей. Незадолго до Вашего посещения я прочел в статье Чеботаревской слова все же очень культурного и тонкого Набокова о том, что писания Бальзака, Томаса Манна и Горького – все это нелепая штукатурка, которую пора разбить молотком (цитирую наизусть). За несколько дней до Вас я спорил с убежденным представителем абстрактного искусства, который чуть ли не под Маяковского считал необходимым “расстрелять” все искусство Возрождения. Что касается Тургенева, то я с Вами все же согласиться не могу. Я говорил уже в тот вечер, что считаю его подлинным певцом любви и печали, который в этом отношении дал больше, чем Достоевский и Толстой. У Достоевского во всех романах приливы жалости и муки страсти, но нет ни одного образа целостной благодатной любви. У Толстого такие образы есть, но все же он обругал Союю пустоцветом, потому что она не родила ребенка, лишил чудесную Наташу голоса и как-то назидательно заставил ее показывать мне детские пеленки сомнительной чистоты. В конце концов такой мастер романа, как Флобер, не только положительно, но определенно восторженно отзывался о его творчестве и Фонтане учился прежде всего писать у Тургенева.

Теперь несколько слов о беспредметном и абстрактном искусстве. Вы совершенно правы, что большинство из них не только начинали, как импрессионисты, но и очень долго писали, как импрессионисты. И тем не менее почти все отошли от импрессионизма и причадили к беспредметности. Вот это “почти все” и наводит меня на мысль, что эти переходы были продиктованы им не муками и борениями личного развития, а невольным подчинением социальному заказу. Еще лет 8 тому назад на мюнхенских выставках было не больше 20% абстрактников. А сегодня их – 80%. Причем частично вы встречаете среди нынешних абстрактников людей, которые уже вполне определенными мастерами⁹⁷ выставляли натуралистические и импрессионистические картины. Я ни минуты не сомневаюсь, что среди беспредметников много настоящих художников, но я не сомневаюсь и в том, что среди них большинство приспособленцев. В искусстве больших беспредметников очень много трагической правды. Их правда та же, что и правда войны, т.е. правда о той лжи, муке и изломанности, которыми полна наша

жизнь. Пока человечество живет тою жизнью, которою оно живет, утопично отрицать войну и пока человечество живет тою жизнью, которою оно живет, невозможно требовать иного искусства, чем то, которое сейчас творится самыми талантливыми людьми. Когда-то в Вене баронесса Рапопорт, находившаяся в очень близких отношениях с Бекманном⁹⁸, с увлечением показывала мне написанный им ее портрет. Он был блестяще написан, но ее и внутренний и внешний облик был явно искажен. Хваля мастерство, я спросил ее послала ли бы она фотографию этого портрета молодому человеку, объявившему в газете, что он ищет подругу жизни. Она расхохоталась, сказала: “Господь с Вами! Разве такую, как на портрете, меня кто-нибудь сможет полюбить?” В этом ответе громадная проблема современного искусства. И ее, конечно, нельзя рассеять указанием на то, что портрет не фотография и что нельзя от художника требовать воспроизведения действительности. Я, конечно, этого и не требую, хотя бы уже потому, что мое требование было бы неисполнимо. Вы, конечно, не назовете ни одного большого художника-портретиста, который просто бы воспроизводил “натуру”, тем не менее они создавали женские образы, в которые можно было бы влюбиться.

К Полякову я отношусь отнюдь не отрицательно, его формы кажутся мне и случайными и назойливыми, но в его красочной гармонии есть тишина и успокоение.

Ну, кончаю.

Наталья Николаевна и я шлем Вам самый сердечный привет.

Федор Степун

16.

Мюнхен, 7 июля 1960 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваше любезное письмо от 14 мая. Дело в том, что мы с Наташей уехали в санаторий, где не было русской машинки и куда приходило много писем, что и привело меня к решению не отвечать до возврата в Мюнхен.

Рад, что мне удалось достать для Вас билеты в театр и прошу и в будущем в этом отношении пользоваться мною. Между прочим произошло некоторое недоразумение. Вы пишете, что не понимаете, почему ругали “Одержимых”. Но ругали не “Одержимых”, которых, наоборот, хвалили, а “Живой труп” Толстого. Согласен с Вами, что Ставрогин, хотя по внешности не имеет ничего общего с красавцем Ставрогиным Достоевского, но все же хорош. По внешности изумительным Ставрогиным был Качалов.

Кстати, о Вашем указании в прениях, что русские крестьяне в XV веке не были кочевниками, как утверждает Бунаков. Я просмотрел Гитермана и установил, что он тоже не считает их кочевниками, потому что они жили не только охотой и рыболовством, но и обработкой земли. То же утверждает и Бунаков. Расхождение очевидно в понимании термина “кочевник”. Будьте другом и назовите какое-нибудь новейшее исследование по этому вопросу, дабы я мог внести нужное исправление во второе издание моих воспоминаний. Оно выходит по-немецки в сокращенном виде. Но, кажется, не в испорченном образе.

Сейчас мне звонил Струве, который был на Международном конгрессе о Толстом. Там ждали Вашего приезда, так как в программе находился Ваш доклад, и были удивлены, что Вы не приехали. В чем дело?

Сердечный привет от Натальи Николаевны и меня.

Ваш Федор Степун

Мюнхен, 6. 11. 1961 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Вы куда-то пропали! Я писал Вам сначала по поводу Вашей статьи о Чехове⁹⁹, потом прислал биографию Ржевского и список его работ, сообщил о смерти Наталии Николаевны, но Вы как-то ни на что не ответили. Узнал накануне Вашего чтения в Тутцинге о том, что Вы будете там читать. Дочка Гадамера сообщила мне, что Вы 10-го какого-то месяца (не вспомню сейчас) будете снова в Мюнхене и собираетесь позвонить и зайти. Я держал телефон открытым, но звонка не последовало. Был у меня Кюн, спрашивал у меня, буду ли я читать в Гайдельберге, на что я ответил, что Вы об этом подумывали, но от Вас опять-таки ничего не имею. С тех пор, как Вы читали в Тутцинге, я уезжал дней на 10 к сестре в Женеву, а потом ездил читать лекции в Рейнландию. 15-го и 16-го буду во Франкфурте и Ашафенбурге. Откликнитесь при случае. Положение Ржевского в Швеции, кажется, улучшилось, но мне все-таки было бы очень приятно, если бы этот исключительно талантливый писатель и все же и интересный ученый попал бы в Германию. Недели две тому назад вышла у Ганзера моя брошюра о Толстом и Достоевском¹⁰⁰, пересылаю Вам ее.

Сердечный привет.

Ваш Федор Степун

Мюнхен, 9 августа 1962 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Второго августа я выехал в санаторию Шварцвальдскую к Кронеру, где мы с ним в углубленных беседах провели четыре дня. Он всегда защищает Америку, приютившую их, но сердце его лежит больше к Германии. Не столько к людям, как к природе. А дни были в Шварцвальде прекрасные: не очень жаркие, душистые и светлые. Получил я, между прочим, от Кюна почти что восторженный отклик на мой доклад о Толстом. Самому судить трудно. Знаю только, что когда я говорил, во мне жило все то, чем я мучился и восторгался, когда заново изучал мыслителя и писателя Толстого. Было и много воспоминаний. Отец Наталии Николаевны бывал несколько раз в Ясной Поляне. Там же бывал и Волжский-Глинка¹⁰¹, с которым я познакомился в Нижнем Новгороде. Цитируя его, я почти что обонял Волгу. Затем лекция в Париже, где я заболел и, приехав в Мюнхен, почувствовал себя совсем плохо. Моя болезнь мучила Наташу, а в меня на несколько дней под влиянием каких-то слишком сильных средств вошла чуждая мне толстовская смерть. С чего это я вдруг растрогался и расписался?

Непосредственный повод письма была просьба выслать мне на несколько дней "Пепел" Белого¹⁰². Буду очень благодарен.

Сердечный привет

Ваш Федор Степун

Дорогой Дмитрий Иванович,

Получил “Русских поэтов”. Совершенно замечательная книга, в которой оказались для меня несколько неожиданностей. Первая: – это пушкинские лошади, которые во многом упредили современное искусство: обе без линии живота, одна и без головы, все-таки обе полны анатомической точности и подлинной жизни. Второе – это автопортрет Толстого; эти две черные точки – глаз и ус – дают что-то очень точное в нем. И, наконец, автопортрет Дельвига. Тут самый штрих, очевидно не карандаша, а угля, очень индивидуален и, я думаю, мало характерен для эпохи. Приятна какою-то душевностью и тишиной и деревня Лермонтова, чего нет в более совершенном, но конвенциональном, кавказском пейзаже.

Татьяна Сергеевна была осчастливлена Вашей готовностью издать “Предмет знания”¹⁰³. Она все спрашивала меня: окончательно ли это решение. На всякий случай¹⁰⁴ я сказал, что Вами решено окончательно, но что Вы все-таки зависите от людей, с которыми Вы до сих пор не считались, но как знать – не придется ли посчитаться?

Сговорила она и с нашим издательством Зарубежных Писателей о выходе одной из книг Франка. Но цена у Андреева-Хомякова выходит, хотя и много низшая чем в НТС, но все же ей, быть может, и непосильная. Я подал ей мысль, может быть, фотографировать книгу. Она просила меня запросить Вас, насколько это дешевле и, если возможно, прислать какую-нибудь сфотографированную брошюру, или даже страницу, чтобы она могла посмотреть, как оно выглядит. Буд[у] очень благодарен, если Вы исполните ее просьбу.

Прочел первый том “Москвы”¹⁰⁵ и нахожу, что в них уже начинается разложение языка, которого в “Котике Летаеве”¹⁰⁶ еще нет.

Переписку получил от Трубецкой. Заплатил на 75 марок дешевле, чем запросил другой парижский антиквар, т.е. 375 марок.

От Зальцбурга я хочу, кажется, отказаться. Белый очень труден, я подвигаюсь медленно. Где мне достать “Луг зеленый”¹⁰⁷? Может быть, можно было бы его сфотографировать.

Сердечный привет и спасибо за Вашу помощь в работе

Ваш Федор Степун

Примечания

¹ Архив Хайдельбергского университета Heid.Hs. 3881. 2. Stepun, F. (1946–1958).

² Письмо напечатано на машинке.

³ Чижевского оттуда выжила немецкая профессура – слишком он был для нее крупен. Ср. у В. Янца о конце работы мыслителя в Марбурге (1945–1949): «В результате доносов и интриг университетских коллег, закулисного влияния американских спецслужб, скандала с гессенским министром культуры, публично объявившим Чижевского в прессе “шпионом”, “коммунистом” и “неквалифицированным славистом”, последний не получает предложенных ему кафедр ни в Марбурге, ни в ряде других немецких университетов (Франкфурт, Мюнстер) и по настоянию Р.О. Якобсона, В.В. Зеньковского и Б.И. Николаевского покидает Германию, приняв приглашение Гарвардского университета» (Янцен В. О наследии Дмитрия Ивановича Чижевского / *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894–1977). М.: Библиотека-фонд “Русское зарубежье”: Русский путь, 2007. С. 8). См. в этой публикации письмо Степуна в газету “Франкфуртское обозрение”.

⁴ Сам Степун зарабатывал во время отлучения его нацистами от преподавания выездными лекциями. Говорить, рассказывать он умел и любил.

⁵ В 1947 г. Степуна пригласили возглавить созданную специально для него кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете Людвиг Максимилиана.

⁶ См. работы В.В. Янцена о судьбе библиотек Чижевского. В данный момент В.В. Янцен обладает самой большой коллекцией книг и рукописей Чижевского. Особенно: *Янцен В.* Спасти, сохранить и освоить! О судьбе книжных собраний и архивов Д.И. Чижевского в Германии // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 / Под ред. М. А. Колерова. М., 2004. С. 232–278.

⁷ На самом деле работа Зеньковского называлась “Русские мыслители и Европа”. Париж, 1926.

⁸ Очевидно, речь идет о Т.Г. Масарике (1850–1937), чешском исследователе, впоследствии первом президенте Чехословакии (1918–1935). Его книга о России и Европе, предрекавшая крах Российской империи “*Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland*” (1913) пользовалась огромной популярностью на Западе.

⁹ Возможно, речь идет о “Черной книге”. В 1944–1945 Эренбург и Гроссман составили два тома “Убийство народа” о геноциде еврейского народа. Либо о трехтомнике Эренбурга, собравшем его статьи военных лет – “Война” (1942–1944).

¹⁰ Эта книга Флоровского была опубликована в Париже в 1937 г.

¹¹ Имеется в виду трактат Г.Г. Шпета “Очерк развития русской философии” (Пг.: Колос, 1922). Впоследствии этот текст Шпета был републикован в 1989, 1991 и 2008 гг. У Чижевского отношение к работам Шпета по истории русской философии было очень сложным (далее цит. по рукописи, любезно предоставленной В. Янценом): в письме Д.И. Чижевского Ф.А. Степуно от 1 июля 1944 г.: «Шпетовский Герцен у меня есть и я Вам его охотно с оказией пришлю. Но книга в совсем другом стиле, чем “Очерки”: Герцен рассмотрен как *чистый* философ, с полным игнорированием всего “мировоззрительного” и всей личности Герцена. Книга вышла полезная, но скучная. Между тем, как очерки – книга интересная, но вредная: вредная прежде всего своей полной ошибочностью! Это памфлет против советской философии, одетый в форму истории русской мысли (почему вообще “мысли”? по содержанию следовало бы назвать “бессмыслия”, или лучше “без-мыслия”). Бема брошюра совсем плоха (главное незнанием материала). Но ее устремление – доказательство христианской *образованности* древней Руси, конечно, правильное доказательства “невегласия” у Шпета. Старые русские переводы отцов церкви – вовсе не из легких – вполне осмысленны и содержательны! Ареопагитики переведены прекрасно (хотя и не в России, а на Балканах). Может быть, и примитивные мысли старой русской проповеди – вполне прозрачны и осмысленны. Почти нет *чисто* философских тем, но их и не могло быть тогда в литературе на не-ученом (не греческом и латинском языке). Еще более несправедливо освещение философского обучения в Киеве и Москве в 17–18 вв. Здесь Шпет просто блещет *незнанием* предмета: таким образом, его книга сама – пример некритического (и неисторического) рационализма! Значительно выше всего этого брюзжания соответственные страницы в “Судьбах <sic> – В.Я.> русского богословия” Флоровского.

Как я сказал уже – книга о Герцене (в 100 стр.) – совсем иного стиля, но также вполне отвергает все не “научнообразно-философское”, а научнообразное (рассмотренное и в моей книге о Гегеле в России) – вообще хотя и интересно, но на поверхности философской личности Герцена, и притом только для юного Герцена имеет какое-то *существенное* значение. История русской философии у Шпета почему-то история *проселочных* дорог русской мысли, а столбовые остаются без рассмотрения и даже без упоминания (я, кстати, писал о книге в “Современных Записках” – не помню как, но, во всяком случае, в этом же духе, – может быть, посмотрите рецензию – тогда я писал, а Современные Записки печатали еще весьма обстоятельные рецензии по 6–8 страниц петита). Когда я получил книгу Шпета, я был поражен сходством моих оценок тогдашней (до 1924 г.) русской современности с его оценками (как “просвещенства”), – очевидно, предпосылки – “феноменология” – у нас были общие, – но освещение его меня совершенно не удовлетворило. С того времени у меня собралась масса материала, совершенно подрывающего всю концепцию Шпета. Вообще я – против меряния философской культуры по “генералам”, – “генералы” в духовной области – явление случайное и бывают генералы без армий и армии без генералов. В России были (бывали), если и не армии, то, во всяком случае, энергичные отдельные отряды, и если не нашлось “генералов”, то это такая же случайность, как например, отсутствие генералов в английском платонизме 17 в., в значительной степени определившем собою такого генерал-фельдмаршала, как Лейбниц, вообще целиком выросшего из не-немецких корней. Впрочем, в истории русской философии очень многое надо еще пересмотреть: я начал писать когда-то для Фасмера (издававшего полезный “Гандбух”) историю философии у славян в отдельных томиках – там было бы много нового, но издание прекратилось и книга не кончилась. А печатать ее на неудобочитаемом языке, вроде чешского, вряд ли полезно». – См.: *Stepun F. Papers, Correspondence between Fedor Stepun and Dmitrij Tschizewskij* // Yale University Library, New Haven, Gen. Mss 172, Box 34, Folder 1170).

¹² Пауль Дильс (1882–1963), славист, специалист по церковнославянскому языку, ординарный профессор в университете в Бреслау.

¹³ Зензинов Владимир Михайлович (1880, Москва – 1953, Нью-Йорк), российский политический деятель, эсер. Учился в юности в университетах Берлина, Халле, Хайдельберга. Активный революционер. В ноябре 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания. После ноябрьского переворота в Омске и установления власти Колчака выслан в Китай. Во время войны уехал в Нью-Йорк. Издавал журнал “За свободу”. Сотрудничал в “Новом русском слове”, “Новом журнале”, “Социалистическом вестнике”.

¹⁴ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – русский историк, ученик В.О. Ключевского. До революции эсер, вместе с посольством Временного правительства выехал в США, где и работал всю жизнь.

¹⁵ Речь идет о знаменитом журнале русской эмиграции в Нью-Йорке: *The New Review / Новый Журнал*. Основатели М. Алданов и М. Цетлин. С 1946 по 1959 гг. редактор – М. Карпович.

¹⁶ Речь идет об издании: *Die Wandlung des Nikolai Pereslegin*. München, 1946.

¹⁷ Письмо написано по-немецки. Перевод мой. – В.К.

¹⁸ Эрвин Штайн (1903–1992) – министр культуры земли Гессен, выступивший против утверждения Чижевского ординарным профессором в Марбургском университете.

¹⁹ Макс Фасмер (1886, Санкт-Петербург – 1962, Берлин), немецкий славист, родившийся в России, ученик и зять великого русско-польского языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ, создатель знаменитого Этимологического словаря русского языка.

²⁰ Николай Сергеевич Трубецкой (1890, Москва – 1938, Вена), великий русский лингвист, один из ведущих теоретиков евразийства.

²¹ Роман Осипович Якобсон (1896, Москва – 1982, Бостон, США), один из крупнейших лингвистов XX в.

²² Михаил Петрович Арцыбашев (1878, Харьковская губерния – 1927, Варшава), русский писатель, автор прославленного романа “Санин”. В эмиграции как публицист считался непримиримым, выступал с резкими статьями против многих русских эмигрантов.

²³ См. предыдущее письмо. Чижевского обвиняли, что он агент Москвы.

²⁴ Речь идет о немецком варианте знаменитых мемуаров Степуна: *Vergangenes und Unvergängliches*. (Bd. 1–3). München 1947–1950.

²⁵ Имеется в виду книга Тихона Полнера “Лев Толстой и его жена. История одной любви” (1928).

²⁶ Речь идет о трактате Л.И. Шестова “Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)”.

²⁷ Все письмо написано черными чернилами от руки, очевидно, переписчиком. Зелеными чернилами правка орфографических ошибок рукой Степуна. Некоторые орфографические ошибки, пропущенные Степуном, исправляем без специальных на то указаний.

²⁸ Река, протекающая через Хайдельберг.

²⁹ Эта тема не раз поднималась Степуном в его письмах, он очень боялся, что советские войска оккупируют всю Германию, в таком случае он видел для себя один исход – концентрационный лагерь в Сибири.

³⁰ Очевидно, имеется в виду Вальдемар Гуриан (1902–1954) – родился в России, публицист, социолог, деятель католического молодежного движения. В 1914 г. перешел из иудаизма в католичество, в 1923 г. под руководством М. Шелера защитил кандидатскую диссертацию.

³¹ Имеется в виду швейцарский протестантский теолог Фриц Либ (Fritz Lieb; 1892–1970). Был близок и с Бердяевым, и Степуном. Профессор в Бонне (1930–1933). Издавал журнал “Orient und Occident” (“Восток и Запад”). Владелец одной из лучших в Европе библиотек по славянской религиозной мысли. После прихода к власти нацистов был выслан из Германии, с 1937 – профессор в Базеле.

³² Фройляйн Апель. Очевидно, речь идет об ученице Чижевского по университету в Халле – Гудрун Апель (в замужестве Бирнбаум). В примечаниях к тому материалу по Чижевскому В. Янцен приводит шутивное рекомендательное письмо Чижевского (начало 1948 г.) Степуна о своей ученице: “Свидетельство. Подательница сего Нина Рудольфовна Апель никогда не была в России, и ее хорошее произношение объясняется только тем, что она страдает фонетическим психозом. Дмитрий Чижевский. Директор Славянского семинара при Марбургском университете” (цит. по: *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894–1977). М.: Библиотека-фонд “Русское зарубежье”: Русский путь, 2007. С. 556).

³³ Духовные связи (нем.)

³⁴ Речь идет об известном литературоведе Алексее Николаевиче Веселовском (27 июня 1843, Москва – 25 ноября 1918, там же) и его книге “Западное влияние в русской литературе”, 1-е изд., М., 1883; 5-е изд., М., 1916.

³⁵ Имеется в виду много страниц в работе Чижевского “Гегель в России”, посвященных этой теме. Например: «Внешняя форма, какую приняло русское просвещение, был политический и еще более глубокий социальный радикализм. Он был не случайным, и русская жизнь совершила на практике огромный поворот. <...> Но просвещение настойчиво пыталось подменить все эти реально данные вопросы нереальными: освобождение крестьян – социализмом, политическую реформу – “социальной республикой” или “анархией”, решение национальных вопросов – преодолением национальной узости, “свободу совести” в ее конкретной постановке – атеизмом и т.д. Эта замена или подмена возможных ближайших целей возможными или невозможными последними целями-идеалами характерна для мыслительного стиля русского просвещения. <...> Это была борьба культурного небытия против культурных ценностей» (Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. С. 281, 284).

³⁶ Чижевский как раз пишет о вражде “просвещения” к мистике, средневековью, христианству и т.п., что Степун увидел в книге Веселовского.

³⁷ Речь идет о Н.О. Лосском.

³⁸ Вейдле был добрым знакомым Степуна, с которым он состоял а переписке. См. мою публикацию: Ф.А. Степун. Письма к В.В. Вейдле (публикация и комментарии В.К. Кантора) // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 123–127.

³⁹ Известны рецензии на русском языке М.В. Вишняка (Новый журнал. 1949. № 22. С. 299–304), Н.П. Полторацкого (Возрождение. 1951. № 16. С. 171–174).

⁴⁰ “Ваш третий том меня, конечно, чрезвычайно интересует. Может быть, мне следовало бы написать о нем? Особенно если есть опасность, что снова будет писать Вишняк, который неадекватен всем видам произведений, кроме безнадежно скучных”, – писал в ответ Чижевский (Чижевский Д.И. Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии. С. 191).

⁴¹ Речь идет о немецком варианте мемуаров Степуна.

⁴² Степун имеет в виду книгу Д.И. Чижевского “Гегель в России” (Париж, 1939). В последние годы книга переиздана: СПб.: Наука, 2007.

⁴³ Речь идет о книге: *Schelting A. von. Russland und Europa im russischen Geschichtsdenken*. Bern, 1948. A. Francke AG-Verlag. Bern. 404 S. Автор дифференцирует направления русской мысли по их отношению к проблеме “Россия и Европа”. В ответном письме Чижевский написал о Шельтинге: “Книга Шельтинга не плоха, но содержит случайный материал, как автор уверяет, потому, что у него не было русских книг. Возможно” (Чижевский Д.И. Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии. С. 191).

⁴⁴ Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – один из лидеров раннего славянофильства, религиозный философ и литературный критик.

⁴⁵ Шевырев Степан Петрович (1806–1864) – литературный критик, историк литературы, поклонник итальянской культуры, поэт, академик Петербургской академии наук, сторонник так называемой “официальной народности”. Совместно с М.П. Погодиным издавал и редактировал журнал “Москвитянин” (1841–1856).

⁴⁶ Борис Валентинович Яковенко (1884–1949) – философ, исследователь русской философии, соиздатель “Логоса” со Степуном и Гессеном. Затем главный редактор “Russische Gedanke” (“Русская мысль”). Эмиграцию провел в Чехословакии.

⁴⁷ *Dějiny ruské filosofie*. Praha, 1938. Чижевский в 1950 г. писал Степуну: “История философии Яковенки, конечно, очень плоха: самый крупный русский философ – Белинский (крупнее и Соловьева, и всех... даже Яковенко самого). Все философы раскритикованы по пунктам 1, 2, 3 и т.д. – иногда до 10–15 пунктов. А главное: с какого языка переводить? Чешский текст очень плох (плохо переведено, с недоразумениями). Число собственных ошибок Яковенки (фактически) невелико: но его не интересовала плоскость реальности, т.е. был ли Де Местр француз или швейцарец, в каком городе кто родился и умер, а в конце концов, это можно было бы исправить” (Чижевский Д.И. Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии. С. 191).

⁴⁸ Подпись и постскриптум (не всегда разборчивый) написаны зелеными чернилами рукой Степуна.

⁴⁹ Письмо машинописное.

⁵⁰ Речь идет о письме Чижевского Степуна от 30 апреля 1950 г. из США. Тоска была связана и с состоянием славистики в Америке, где профессора путали “Дантеса с Данте”, а также Чижевский приводит историю, как «пришлось удалить из университета преподавателя русского языка и славянской филологии, издавшего книгу, в которой стояли такие примеры русского языка: “Я лопнул

стакан! Какая жаль!”. Уйдя из университета, этот господин стал экспертом по русским делам в Вашингтоне» (*Чижевский Д.И.* Том I. Материалы к биографии (1894–1977). С. 188.

⁵¹ Визе (Wiese) Леопольд фон (1876–1969) – немецкий социолог. Представитель формальной социологии, профессор в Ганновере (1908–1911), основатель (вместе с Шелером) и профессор Института социальных наук Кельнского университета (с 1919 г.), основатель и издатель журнала по социологии и социальной психологии (1921–1954). С 1933 г. жил и работал в США, с 1945 г. – в Западной Германии. Подобно М. Веберу, трактовал человеческое общество как сумму отношений людей, существующих через посредство действия, главной задачей считал исследование отношений людей и складывающихся на их основе социальных преобразований.

⁵² На самом деле статья называется “Родина, отечество, чужбина” (1955).

⁵³ Die Liebe des Nikolai Pereslegin. München 1951.

⁵⁴ Theater und Film. München, 1953.

⁵⁵ Книга Степуна под таким заглавием публикатору не известна.

⁵⁶ Видимо, последний замысел реализовался в сокращенном варианте в книге: *Mystische Welt-schau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block.* Carl Hanser Verlag, München, 1964. S. 442.

⁵⁷ Рихард Кронер (Richard Kroner; 1884 – 1974) – немецкий философ, эмигрировавший в США, приятель Степуна, соавтор культурфилософского сборника “О Мессии”, создатель “Логоса”, впоследствии главный редактор немецкого “Логоса”. Как пишет исследователь о создании русского “Логоса”: “инициаторы создания журнала – Николай Бубнов, Сергей Гессен, Федор Степун и Борис Яковенко, а также Рихард Кронер, Георг Мелис и Арнольд Руге были знакомы друг с другом. Они вместе учились в Гейдельберге у философа Вильгельма Виндельбанда, а затем во Фрайбурге у его коллеги и ученика Генриха Риккерта” (См. *Крампе Р.* “Творить новую культуру” – “Логос”. 1910–1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 122–137).

⁵⁸ Пауль Тиллих (1886–1965) – выдающийся протестантский богослов, многолетний друг и корреспондент Ф. Степуна.

⁵⁹ Николаевский, Борис Иванович (1887, Россия – 1966, Нью-Йорк) – с 1903 по 1906 гг. большевик, затем убежденный меньшевик, приятель И.Г. Церетели. В 1918 г. был представителем меньшевистского ЦК в Поволжье и на Урале, а в 1919 г. – в Сибири. После возвращения в июле 1919 г. из колчаковской Сибири в Москву призывал к совместной с большевиками борьбе против Колчака. В феврале 1921 г. был арестован и после одиннадцатимесячного заключения, вместо предложенной ему ссылки в Вятку принял предложение ГПУ о высылке, наряду с другими членами ЦК, за границу. Жил с 1922 г. в Берлине. Собирал материалы по политической истории России. Представитель Русского заграничного исторического архива (Прага) в Берлине. С декабря 1924 по 1931 гг. – заграничный представитель Московского института Маркса–Энгельса, собирал для него материалы по истории Интернационала, Маркса, Энгельса, Парижской коммуны и др. В феврале 1932 г. за критику коллективизации и политики репрессий был лишён советского гражданства. После прихода в Германии к власти нацистов в 1933 г. переехал в Париж. В 1940 г. переехал в США, собрал огромный архив по русской эмиграции.

⁶⁰ Рокфеллеровские стипендии давались для научной работы за рубежом, прежде всего в США.

⁶¹ Имеется в виду ООН.

⁶² Вообще послевоенная позиция Пауля Тиллиха раздражала Степуна, вызывая его разочарование. В письме Г. Кульману от 15 февраля 1947 г. он писал: «От Тиллиха мы имели недавно очере́дное “послание” и небольшое личное письмо. Личное письмо тронуло нас сердечностью, милым, старым звуком (помните, как он Seligny завидовал нам, что мы остаемся в Европе). Послание же к европейским друзьям очень разочаровало – какое-то унижение паче гордости: ничего-де не знаю, ничего-де не могу сказать, вам виднее. Через три года начну писать богословскую систему по требованию американских студентов, а пока что, простите, дешево, по случаю купил себе домик, так как скоро по годам выхожу в отставку. Дети – американцы; о возвращении ни полслова. Чем дольше я присматриваюсь к Германии, тем непонятнее становится мне национальное чувство немцев. С одной стороны – страшный национализм, а с другой – уж очень легкое забвение своей родины. В свое время Пауль присылал нам “нарочных” с целыми программами освобождения Германии. Вот Германия свободна, наступил как будто бы его час – только и разговору, что о христианстве и социализме. Совершенно замечательная молодежь, по своей духовной глубине и зоркости совершенно не сравнимая с той, с которой я встретился в 1926-м году, страстно жаждет живого и ответственного, горячего и трезвого слова. Людей мало, каждый значительный человек на счету, – а Тиллих не едет! Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы

в ней была бы возможность того дела, которое я сейчас делаю в Германии. Обо всем этом я Paulus'у еще не писал. Как-нибудь напишу. Вы же ему пока о нашем разочаровании ничего не пишете» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann).

⁶³ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – великий русский писатель, в эмиграции им были составлены и изданы книги пересказов, обработок, переложений сюжетов старинных русских легенд (Бесноватые, 1951). “Бесноватые” основывались на мотивах русской повести XVII в. “Повесть о Савве Грудцыне”.

⁶⁴ Слова в скобках написаны поверх строки. Дитрих Герхардт (р. 1911) – профессор, ученик и друг Чижевского, инициатор его юбилейных сборников.

⁶⁵ Андрей Штаммлер (Heinrich A. Stammeler, р. 1912) – ученик Степуна, родился в Германии, учился в Мюнхене и Праге, профессор славистики в США, автор книги “Die russische Geschichte Volksdichtung” (1939) и многочисленных переводов русских романтиков, автор нескольких статей о Степуне.

⁶⁶ Цитата из грибоедовского “Горя от ума”.

⁶⁷ Публикатор этими сведениями не располагает.

⁶⁸ Татьяна Сергеевна Франк – жена С.Л. Франка. См. мою статью и мою публикацию писем Степуна С.Л. Франку и Т.С. Франк, где обсуждалась как раз проблема публикации текстов С.Л. Франка: Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Франку, по архивным материалам) // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 404–423. См. также его переписку: Письма Ф.А. Степуна С.Л. Франку и Т.С. Франк (предисловие, публикация, составление и примечания В.К. Кантора) // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 424–458.

⁶⁹ Имеются в виду статьи С.Л. Франка: 1. Религиозность Пушкина. Путь. Париж. 1933. № 40. С. 16–39; 2. Пушкин как политический мыслитель. Белград, 1937; 3. О задачах поэзии Пушкина. Белградский пушкинский сборник. Белград, 1937. С. 151–180.

⁷⁰ Имеется в виду книга С.Л. Франка “Этюды о Пушкине”. Мюнхен, 1957.

⁷¹ Баварский ежегодник, основанный Карлом Мутом и издаваемый в те годы Францем Шонингом.

⁷² *Stepun F. Die proletarische Revolution ohne Proletarier* // *Hochland*, 1954 / 55. Im Kösel-Verlag zu München. S. 209–223.

⁷³ См. *Тиллих П. Мужество быть* // *Символ*. Париж, 1992. № 28. С. 7–119.

⁷⁴ Возможно, речь идет о “Сказании о Светомире царевиче”, Ивановым не законченном. “Светомира” дописала по оставленным Вяч. Ивановым указаниям О.А. Шор.

⁷⁵ Ольга Александровна Шор (1894–1978) – ближайший друг и “совопросник” Вяч. Иванова в римский период.

⁷⁶ Девичья фамилия жены Чижевского.

⁷⁷ См. об этом издании мою публикацию: Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна “Бывшее и несбывшееся”. Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова. Вступительная статья, публикация и комментарии В. Кантора // *Вопросы литературы*. 2006. № 3. С. 278–319.

⁷⁸ Так слово написано у автора.

⁷⁹ Речь идет о книге “Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution”. Berlin/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934.

⁸⁰ Очевидно, речь идет о советском писателе и литературоведе Викторе Борисовиче Шкловском (1893 – 1984), лидере формалистического движения “ОПОЯЗ”.

⁸¹ Фраза из “Ревизора”.

⁸² Бывшее и несбывшееся. Изд-во им. Чехова. New-York, 1956.

⁸³ Роман Борисович Гуль (1896–1986) – русский писатель, эмигрант, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Первопоходник, участник Белого движения. Участвовал в Ледяном походе генерала Корнилова. Эмигрировал вначале в Европу, потом в США, с 1966 г. главный редактор “Нового журнала”.

⁸⁴ Шилкарский Владимир Семенович (1884–1960) – философ, историк философии. В эмиграции профессор Боннского университета.

⁸⁵ Очевидно, ошибка Степуна. Сборник Вяч. Иванова назывался “COR ARDENS. Пламенеющее сердце”.

⁸⁶ Постскрипtum написан от руки.

⁸⁷ Николай Николаевич Бубнов (нем. Nicolai von Bubnoff, 1880–1962) – русский философ, славист. Жил и работал в Германии. Со Степуном стоял у основания журнала “Логос”.

⁸⁸ Речь идет о книге Чижевского: *Das heilige Russland. Russische Geistgeschichte I.* 10–17. Jahrhundert. Hamburg. 1959. Rowohlts deutsche Enzyklopädie. 176 S.

⁸⁹ Имеются в виду гуситы.

⁹⁰ Имеется в виду Иосиф Волоцкий (1440–1515) почитается Русской Церковью в лике преподобных. Обличитель ереси жидовствующих, автор книги “Просветитель” и ряда посланий, в которых он, дискутируя с другим подвижником – Нилом Сорским, доказывал законность монастырского землевладения, отстаивал необходимость украшать храмы красивыми росписями, богатыми иконостасами и образами.

⁹¹ Флоровский писал: “В истории русской мысли много загадочного и непонятного. И прежде всего, – что означает это вековое, слишком долгое и затяжное русское молчание?.. Как объяснит это позднее и запоздалое пробуждение русской мысли?..” (*Флоровский Г.В.* Пути Русского Богословия. Вильнюс: Литовская Православная Епархия, 1991. С. 1.

⁹² У Степуна явная аберация. Шпет говорил не о латыни. По словам Шпета, “нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль... и что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке?” (*Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 55). Иными словами, Шпет полагал, что Древняя Русь могла прикоснуться к самому первоисточнику античности, у которого учился позже латинский Рим.

⁹³ Флоровский вроде бы принимает посыл Шпета и Федотова о недостатке классического образования в Древней Руси как негативный момент, но находит, говоря словом Степуна, “полувыражения”: «О том, что “отсутствие классического наследия” есть одна из главных черт различия между русской и “европейской” культурами, говорили уже давно. <...> Однако и здесь не годится упрощать. То верно, что в древнем Киеве не знали ни Гомера, ни Виргилия. Но ни откуда не видно, что этому помешал именно славянский язык богослужения. <...> Это было становление и образование самого “славянского” языка, его внутренняя христианизация и воцерковление, преобразование самой стихии славянской мысли и слова, славянского “логоса”, самой души народа. “Славянский” язык и сложился и окреп именно в христианской школе и под сильным влиянием греческого церковного языка, и это был не только словесный процесс, но именно сложение мысли» (*Флоровский Г.В.* Пути Русского Богословия. С. 5–6).

⁹⁴ Тоже не очень понятная оговорка Степуна. Впервые это выражение появляется еще в Евангелии в Первом соборном послании Иоанна Богослова: “Мы знаем, что мы от Бога, и что весь мир во зле лежит” (1 Ин. 5,19).

⁹⁵ Книжка “Крушение кумиров” вышла в 1924 г. и возникла на основе лекций, читавшихся С.Л. Франком для эмигрантской молодежи в 1923 г.

⁹⁶ Клаус Менерт – известный немецкий советолог.

⁹⁷ Последние четыре слова вписаны от руки поверх строчки.

⁹⁸ Макс Бекман (Max Beckmann, 1881–1950) – великий немецкий художник. Умер в Нью-Йорке.

⁹⁹ Речь идет о статье Чижевского, помещенной в сборнике: *Tschizewskij D. Über die Stellung Čechovs innerhalb der russischen Literaturentwicklung // Anton Čechov. 1860–1960. Some Essays.* Ed. by T. Eekman. Leiden, 1960. S. 293–310.

¹⁰⁰ Dostoewskij und Tolstoj: Christentum und soziale Revolution. München, 1961.

¹⁰¹ Глинка-Волжский Александр Сергеевич (наст. фамилия Глинка, псевд. Волжский, 1878–1940), русский религиозный мыслитель и историк литературы.

¹⁰² Знаменитый и программный сборник стихов Андрея Белого (1909 г.) о трагедии деревенской России.

¹⁰³ Книга была переиздана на русском языке в 1974 г. в парижском издательстве YMKA-PRESS.

¹⁰⁴ Подчеркнуто зелеными чернилами, такими же, как и подпись Степуна.

¹⁰⁵ Роман Андрея Белого (1926).

¹⁰⁶ Повесть Андрея Белого (1914–1915).

¹⁰⁷ Сборник статей Андрея Белого (1910).